

Сергей Еримия

**Пленники
острова
Стримов**

12+

Сергей Владимирович Еримия

Пленники острова Стримов

Серия «Маячные истории», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40615433

SelfPub; 2022

Аннотация

Каждый может купить себе тропический остров, конечно, имея достаточную сумму денег. Собственный остров это личный курорт, место уединения, уголок отдыха. Приятно сбежать на край света, расслабиться, окунуться в пучину блаженного безделья. Все действительно так, но если облюбованный остров это клочок суши заметно удаленный от обжитых мест, да еще и с настоящим маяком – без приключений не обойдется. Маяк, он как свеча, его огни манят и это хорошо, вот только на путеводный свет слетаются не только мотыльки.

Содержание

Глава 1. С чего все началось, или Сон в руку	4
Глава 2. Ранний звонок	20
Глава 3. Путешествие на край света	30
Глава 4. «Валентина» или все-таки «Валенсия»?	55
Глава 5. Осколок рая среди лазурных вод	74
Глава 6. Первые впечатления	98
Глава 7. Остров изнутри	121
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Сергей Еримия

Пленники острова Стримов

Глава 1. С чего все началось, или Сон в руку

Океан. Водная равнина. Удивительное творение природы – переливающаяся, меняющая цвет и оттенок поверхность воды. Бесконечная, ровная, гладкая, будто и не вода это вовсе, будто отрез бархата насыщенного синего цвета с зеленоватым отливом наброшен на стол. Светится она, блестит, играет живыми огоньками, подмигивает. Завораживает цветовыми переливами, а вокруг, сколько ни смотри, одно сплошное спокойствие. Ни легкого дыхания ветерка в океане небесном, ни мелкой ряби на глади морской.

Тишина и умиротворение. Сияющее зеркало водной поверхности эффектно отражает редкие кучевые облака. Высокие, будто башни старинного замка, застыли они, висят неподвижно, не меняются, не расползаются, превращаясь в бесформенные массы. Засмотрелись они в свое отражение, залюбовались собою, висят, не желая путешествовать, не плывут на запад, не скрывают вечернее, но все еще жаркое дневное светило.

Вокруг один лишь океан. Бескрайняя водная пустыня. Сколько ни смотри, нет ни намека на сушу. Оттого теряешься, не на чем задержать взгляд, а так хочется увидеть хоть что-то напоминающее твердь земную. Что угодно, пусть не материк, пусть маленький островок, скалу среди моря, да просто камень, лишь бы надежное что-то, лишь бы постоянное. Но нет ничего, вокруг одна вода. Смотришь, всматриваешься, а земли все нет. Идет время и начинаешь задумываться над тем, что суши и вовсе не существует, что вся огромная планета – один большой не имеющий берегов океан.

Полный штиль, ни ветерка, ни намека на таковой. Спокойствие, а от того печаль, но нет не та, которая переполняет, бережит душу, выдавливая слезинки, то печаль иного рода, легкая она, эфемерная. Не жалость к себе вызывает она, задуматься заставляет. Требуется разобраться в себе, понять себя, поверить в бренность всего сущего. Заставляет заглянуть вглубь себя, посмотреть на себя со стороны, вспомнить прошлое, задуматься о настоящем, помечтать о будущем.

Теплые воды, щедро согреты тропическим солнцем. Тишина, ни плеска, порожденного волной, ни шелеста, что признак жизни. Можно подумать, что нет никого на сотни миль, что водная гладь – то редкое место, где не оставил след человек, где не успел он отметить, но так ли это? Очень даже вряд ли...

Правда, стоит присмотреться, внимательней взглянуть на восточный край золоченного вечерним солнцем мира и мож-

но увидеть, как вдалеке на линии горизонта, на призрачной черте, то ли отделяющей море от неба, то ли наоборот, соединяющей его с ним, медленно, неспешно проплывают размытые туманные кораблики. Пусть медленно движутся они, пусть густо окутаны их силуэты белесой скрывающей очертания корпусов дымкой, но вера в отсутствие людей постепенно угасает. Прогоняя ее, в воображении возникает караван верблюдов, знаменитых кораблей пустыни. Тут-таки море перестает быть морем, оно уже песок. Зной, барханы, миражи вдалеке. Но и это лишь мгновение. Тускнеет солнце, золотые воды возвращают себе привычный синеватый оттенок. Забываются нелепые сравнения, теряются глупые фантазии. Действительно глупые они, ведь как ни смотри, а море, пусть даже покрытое солнечным золотом, оно все-таки море. Куда до него какой-то там пустыне!

Дымка понемногу развеивается. Корабли, те, что очерчивают своим ровным строем линию горизонта, постепенно становятся обычными кораблями. Зажигаются огоньки на их мачтах, включается световая сигнализация, намекая на то, что ночь уже совсем близко. Мгновение, еще одно и корабли окончательно становятся кораблями, не остается в их облике ничего, что делало бы их волшебными странниками в раскаленной пустыне.

Просто в центре видимого мира, среди бескрайних морских просторов, среди бесконечности спокойствия, как одно из отражений редкого облака, появляется туманное пят-

нышко. Легкое, эфемерное, размытое, как и все вокруг. Одно мгновение, дыханье времени, заменяющее дыханье ветра, туман развеивается и ранее скрытая под разлетающейся во все стороны дымкой пред случайным наблюдателем появляется она – красавица яхта. Белоснежные борта, плавные обводы, две высокие мачты, паруса на них, романтика вокруг витает...

Но нет, не так все радужно. Обмякли полотнища, не наполняет их ветер, висят они, что стирание белье на веревке. Ни качнутся, ни шелохнутся. Нет до них дела воздушным потокам. Как нет и их самих. А наверняка было бы здорово подымись ветерок, поднатужься он, да округли паруса, да подтолкни неподвижно стоящее суденышко. Сразу же острый нос разрезал бы воду, создавая волны, а с ними и жизнь, пусть лишь иллюзию таковой.

Солнце опускается ниже, оно почти касается водной глади, его лучи эффектно подсвечивают роскошное суденышко. Золото заходящего дневного светила дополняет позолоченный декор, отблесками играет на выпуклых бурунах украшающих нос, на мастерски вырезанной женской фигуре, поддерживающей бушприт с обмякшим, как и прочие паруса, кливером. Играют лучи на белоснежной краске бортов, переливаются на ней, радуя глаз и поднимая настроение.

Удивительно красивые обводы, превосходное сочетание проверенной временем старины и современного дизайна. Мачты, реи, паруса. Такими корабли были всегда, так вы-

глядит классика! Единственный привет от современности – якорь. Один, большой, угловатый, он разместился на носу, чуть ниже декоративной фигуры, держащей паруса. Отлично вписывается он в облик парусного судна, дополняет собой классические линии, подчеркивая своим одиночеством смелую задумку умелых проектировщиков.

Почти сливаясь позолотой с золотом солнца, еле различимое в лучах заката, читается название яхты. «Валентина», так называется она, белоснежная красавица, покорительница морских просторов. Отличное название, пусть не оригинальное, пусть слегка банальное, но мне нравится. Пожалуй, я бы тоже назвал свою яхту «Валентина», конечно, если бы она у меня была. Именно так назвал бы, не простым именем «Валя», или там кокетливым «Валентинка», и даже не ласкательным «Валюша». Просто и звучно назвал бы – «Валентина». Неоригинально? Нет, не соглашусь. Нежно и красиво? Да! Есть в этом имени что-то теплое, ласковое, домашнее, наше, родное – Валентина...

– Да ну его ко всем чертям! – разрушая божественную тишину, донеслось со стороны кормы. Возглас, в котором обида намертво сплелась с отчаяньем, завис над поверхностью моря, не собираясь затихать. – Хоть убейте меня не пойму, за что люди платят бешеные деньги! Что им за удовольствие? Да чтоб меня...

Сопровождаемая свистом, просто небольшая крылатая ракета, за борт улетела удочка, судя по ее размеру, диамет-

ру катушки и толщине лески, предназначенная для ловли акул, на живца, и не иначе как белых. На хромированных частях блеснуло, отражаясь, уже не золотое, а красное, почти бордовое, вечернее солнце. Мелькнуло веселым солнечным зайчиком и тут-таки погасло, скрылось, растворилось, будто в легком облачке. Удочка плюхнулась в воду и застыла, слегка покачиваясь на поверхности. Тут же послышался еще один, гораздо более громкий всплеск – вслед за удочкой последовал деревянный шезлонг. Упал он рядом с нею, разбавляя удручающее спокойствие неподвижной воды, качнулся несколько раз, создавая веселые концентрические круги на морской глади. Покачнулся, раз другой и замер, остановился в паре метров от яхты, там, откуда его, а с ним и удочку очень скоро выловят привыкшие к частым вспышкам гнева владельца яхты матросы.

Громко возмущаясь, тяжело ступая по трапу, заставляя надежные ступени прогибаться, на верхнюю палубу поднялся толстяк. Его объемный живот с вывернутым наизнанку пупком эффектно выглядывал из-под натянутой футболки. Подпрыгивал он в такт шагам, дрожал, будто железная масса, вынутая из ненужной более формы.

Подпрыгивая и вибрируя запасами жира, толстяк поднялся на открытую площадку с отличным видом на окрестное спокойствие, пробормотал что-то неразборчивое, окинул взором присутствующих.

Скорее всего, причиной было то, что рыбалка не зада-

лась, хотя возможно что-то другое его расстраивало, в любом случае он был не в духе. Несколько секунд с отчетливо читающейся брезгливостью в глазах он смотрел на изрядно располневшую женщину средних лет, облаченную в телящий в складках кожи купальник. Мрачно скривился. Смерил взглядом пожилого азиата с фальшивой дружелюбностью улыбающегося ему. Скривился сильнее, при этом попытался улыбнуться, вспомнив слова переводчика: «Они это любят». Прошествовал к ограждению палубы, остановился, вздрогнул, будто вспомнил что-то важное. Кивнул своим мыслям. Повернулся, подошел к еще одному из присутствующих на палубе, к загорелому молодому человеку спортивной наружности. Тот моментально вытянулся в шезлонге, умудряясь лежа выполнить команду «смирно».

Парень не сводил глаз с владельца яхты, внимательно смотрел, не мигая, смотрел, ждал чего-то, совершенно не замечая, что в это же время на него, просто как кот на сметану, поглядывала располневшая женщина.

Толстяк кивнул и укоризненно покачал головой.

– Нет, ну разве это рыбалка?! Слышишь, как там тебя, Джек, да? Женька, значит... – он опустил ее, почти рухнул на свободный шезлонг, тот противно заскрипел. – Слушай сюда, ты переведи ему, скажи, что это не рыбалка. Я толком не знаю, что это, но не рыбалка точно!

Парень завел длинную тираду на непонятном языке. Азиат принялся кивать и, кивая, улыбался еще шире.

– Он понимает? Ага... – под противный треск лежака, толстяк повернулся на бок. – Так вот, ты скажи ему, пусть ко мне приезжает. Когда? Да когда захочет, можно летом, а можно среди зимы. Скажи ему, у меня на озерах за то время что я с удочкой просидел, можно было бы... я даже и не представляю, сколько рыбы наловить. Мешками можно было улов мерить. А тут, сидишь... как я не знаю... смотришь, ждешь невесть чего...

Азиат, по-прежнему улыбаясь, быстро заговорил. Паренек закивал в ответ, начал переводить:

– Он говорит, мол, чтобы рыбку раздобыть, недостаточно дорогих снастей и большого желанья, надо еще мастерством обладать и везеньем...

– Без труда не выловишь и рыбку из пруда! – мрачно продекламировал толстяк и печально взмахнул рукой. – Вот народ. Японец, одним словом! Подумать только, в былые времена наши идеи из научных журналов воровали, патентовали, за свои выдавали, а теперь что? За пословицы взялись! Вот как это называется? Идеи украли, пословицы воруют, еще и на Курилы поглядывают. Нет, чтоб свое иметь...

Воцарилась гнетущая тишина. Пожилой азиат, не переставая улыбаться, наклонился к парню-переводчику и заговорил, часто поглядывая на толстяка.

– Уважаемый мистер Аоки хотел бы напомнить вам о том, что цель нашего выхода в море вовсе не рыбалка...

– Это да, – толстяк громко зевнул и лениво огляделся. –

Волнуется? Вижу, волнуется! Помню я все: остров, сделка... Лариска! – он повернулся в сторону женщины в невидимом купальнике. – Слушай, давай ты это, прогуляйся, хватит лежать, иди к капитану, скажи, поехали... нет, поплыли, или все-таки пошли? Неважно, скажи, отправляемся. Курс на остров. Он знает какой...

Женщина заметно помрачнела – вряд ли прогулки входили в число ее любимых занятий. Она обреченно вздохнула, тяжело поднялась, сопровождаемая поскрипыванием досок палубы направилась к трапу. Остановилась, схватилась за поручень, с опаской посмотрела вниз. Похоже, ее терзали сомнения. Упасть боялась или застрять в достаточно узком пространстве между перил?

– Только давай как-нибудь шустрее! Двигайся, двигайся, вон вся жиром заплыла. А ты переводи, – повернувшись к переводчику, монотонно почти печально вел далее толстяк, – пусть не волнуется, я свое слово держу, так что без комиссионных он не останется.

В качестве ответа азиат ниже обычного поклонился, шире обычного улыбнулся и удобнее расположился в шезлонге.

Яхта ожила. Глухо заурчал запрятанный в глубине корпуса мощный дизельный агрегат. Гораздо громче его зажужжали двигатели электрические, собирая совершенно бесполезные в условиях абсолютного безветрия паруса. Тотчас лица находящихся на верхней палубе путешественников почувствовали легкий ветерок – движение воздуха, порожденное

движущимся судном.

Тут-таки изменился и пейзаж, как минимум, нижняя его составляющая. Гладь моря перестала быть идеальным зеркалом. Его поверхность взялась мелкой рябью, от острого носа ровные, будто специально отмеренные прямые, разошлись волны. За кормой вода и вовсе вспенилась, забурлила, превращаясь в удивительное явление – кильватерный след. Более всего перемены порадовали самых счастливых обитателей планеты – дельфинов. Верные спутники моряков, обрадованные движением, они пристроились у бортов, резвились, обгоняли яхту, веселились, высоко выпрыгивая из морской пучины.

– Мистер Аоки восхищается вашим судном, – перевел слова азиата паренек.

– Так оно и понятно, – равнодушно пожал плечами толстяк, – а знал бы он, в какую копеечку влетело мне это счастье, восхищался бы гораздо громче! Стоимость плюс расходы на содержание! Одна радость – все автоматизировано, команда только шесть человек. На зарплате экономия...

– Еще он говорит, что скорость яхты не менее двадцати узлов...

– Ему виднее. Как по мне, так еле тащимся.

– Говорит, очень даже приличная скорость для судна подобного класса. А еще он подсчитал, что такими темпами примерно часов через семнадцать-восемнадцать мы будем на месте.

– Ясно. Слушай, Жень, ты это, попроси его, пусть хоть что-нибудь об острове расскажет. Так сказать, общую информацию предоставит. Покупаю, а что, до сих пор не знаю. Как это? «Кота в мешке», да он в курсе. Так пусть расскажет: большой остров, или не очень, что там растет, кто живет. Ну, еще что-нибудь познавательное, только чтоб интересно было...

Мистер Аоки расплылся в улыбке, часто закивал. Заговорил. Переводчик, кивая не менее энергично, сбивчиво переводил:

– Остров продолговатой формы. Размеры – двадцать пять на восемь километров. Ландшафт идеально ровный, практически без возвышенностей. Большая его часть покрыта тропическим лесом. В лесу много птиц, обезьяны, есть змеи, но они не ядовитые. В самом центре островка – большое озеро, вода в нем кристально чистая, рыбы много, а вокруг, куда ни глянь, по-настоящему девственная природа...

– Девственная природа, – зевая, повторил толстяк, – пожалуй, это хорошо. Вода значит, пресная имеется, это тоже неплохо, слушай, а нефти или газа часом там не наблюдается?

– Нет, никаких полезных ископаемых на острове или в его окрестностях не обнаружено...

– Так это и понятно. Стали бы они продавать мне то, на чем сами могли бы подзаработать...

– Зато вилла, говорит, имеется – построена менее десяти

лет тому назад. Просто огромная. Четыре этажа. Все свое: солнечные батареи, ветряная электростанция, водопровод. Большое поле для гольфа, через весь остров дорожки проложены. Еще причал. Его недавно перестроили, дно углубили...

– Ладно, скучно как-то он рассказывает, или это ты скучно переводишь? – толстяк оторвал спину от шезлонга, сел и мрачно взглянул на солнце, большая часть которого растворилась в туманной дымке. – Да и неважно все. Красоты острова я завтра сам увижу. Значит, во второй половине дня мы будем на месте?

– Говорит, да.

– Тогда вы как знаете, я же пошел спать – сонная погода. К тому же утро, как говорится, вечера... да он и сам все понимает. Что-то мне подсказывает, что они и эту поговорку у нас увели...

Солнечный диск погрузился в море. В том месте, где горячее светило растеклось по поверхности воды, возникло блеклое туманное облако. Туман разрастался, ширился, он быстро заполнил все вокруг. Картинка тут-таки померкла, потемнела, растворилась в светлой серости то ли реальной, то ли воображаемой дымки. Мгновенно стихли голоса, слился с тишиной шум двигателя, воцарилось истинное спокойствие.

Недолго длилась тишина, недолгой была идиллия. Несколько мгновений и громкие крики дерущихся чаек разорвали блаженную тишь, наполнили пространство диким

гамом. С возвращением звуков развеялся и туман. Из него сформировался интерьер роскошной каюты. В самом ее центре проявилась широкая двуспальная кровать, на ней владелец яхты, зевающий и часто мигающий глазами...

подавив очередной пробуждающийся зев, толстяк оттолкнул прильнувшую к нему жену. Тихо, еле заметно шевеля губами, выругался, натянул яркие шорты и неспешно побрел в ванную. Открыл кран, ополоснул лицо холодной водой, взглянул на свое отражение в зеркале. Красноречиво пожал плечами, мол, очень даже ничего выгляжу. Вышел из каюты, огляделся и направился на верхнюю палубу.

– Вот это да! Неужели вы так всю ночь и просидели? – мрачным взглядом толстяк окинул знакомую картину: палуба, журнальный столик, старик-азиат и парень-переводчик в шезлонгах. Казалось, со вчерашнего вечера они даже не пошевелились.

– Уважаемый Аоки – большой ценитель утренней зари, любит подниматься рано. Жаворонок он. Вот и мне придется подстраиваться. Ничего не попишешь, работа! Мало ли, вдруг придется переводить... – парень прикрыл упрямо открывающийся рот ладонью.

– Понимаю, работа – она на первом мест. Принеси кофе! – толстяк заметно оживился, заметив молоденькую официантку, стоявшую палубой ниже. – А я вот терпеть не могу ранние подъемы. Никогда не любил, мне надо хорошенько выспаться, иначе добра не жди! И сейчас бы спал, да птицы

разорались. Беснуются...

– Аоки говорит, проходим мимо одного из небольших островов. Чайки гнездятся...

– Будто бы я сам не понял!

По трапу взбежала, почти взлетела молоденькая официантка. Она поставила на столик поднос с большой чашкой, присела, кланяясь. Заметила одобрение на лице толстяка, покраснела и быстро удалилась. Владелец яхты проводил ее взглядом, радостно потер руки, схватил чашку, шумно вдохнул насыщенный аромат. Сделал глоток, блаженно улыбнулся. Откинулся на приподнятую спинку шезлонга, повернул голову в сторону переводчика, открыл рот, собираясь что-то сказать, да так и замер, пораженный.

По левому борту, как легко догадаться на востоке, совсем рядом виднелся остров. Маленький, окутанный густым утренним туманом, он казался нереальным, несуществующим, находящимся где-то в иной плоскости, в другом измерении. Он покачивался на волнах, будто шевелился, менял очертания, стараясь привлечь к себе внимание.

– Никогда ничего подобного не видел! – восторженно прошептал толстяк, глядя на то, как восходящее солнце застыло над возвышающейся вдали полуразрушенной башней... – Просто-таки настоящий маяк!

Он резво вскочил, поставил чашку на столик, ткнул пальцем в переводчика.

– Э... Женя, переводи. Я хочу вот этот остров!

Удивленное лицо азиата было ему ответом. Тот несколько раз мигнул глазами, растерянно развел руками и часто, сбивчиво, заикаясь, заговорил.

– Он говорит, мол, это не тот остров... – переводчик удивительно точно скопировал тембр и манеру азиата.

– Я догадался!

– Говорит, меньше он, совсем не обжитой, ни построек, ни, инфраструктуры. Говорит, заросли непроходимые, а там, на том, к которому мы направляемся, есть все, что требуется для жизни...

– Все, что нам потребуется для жизни, мы сами построим. Пусть не переживает, справимся. По поводу размеров острова – так мне же не поля возделывать! Насколько он меньше?

– Максимум в длину километра четыре, может пять, с севера песчаная коса тянется...

– Ну и нормально. Я не жадный, мне земли хватит. Ты ему вот что скажи, мне маяк очень по душе. Отреставрировать его хочу, восстановить, зажигать по ночам буду, – глядя на то, как азиат энергично мотает головой, толстяк помрачнел. – Опять не «слава богу»?! Слушай, чего это он тут утренней гимнастикой занимается? Скажи ему – я так хочу!

– Ну, он говорит, мол, нельзя маяк включать, мол, он давно исключен из морских лоций, да и власти могут не согласиться продать именно эту территорию. Говорит, база здесь была, давно, во время войны...

– Понятно. Ты скажи ему так – денег у меня столько, что

я в любую лоцию внесу все, что только захочу. Даже фонарный столб, который у моих ворот, хоть от него до ближайшего моря километров с тысячу будет. А по поводу этого жалкого лепета, мол, остров, база, все прочее, объясни – я хочу купить именно этот остров и я его куплю. А если он, вместо того, чтобы головой мотать, да глазами мигать мне подействует, его вознаграждение удвоится. Ну как, теперь проблем меньше стало?

Азиат внимательно выслушал слова переводчика. Нацелил взгляд на толстяка. Медленно кивнул и расплылся в улыбке. Часто закивал.

– Вот это я понимаю. Деловой подход. А то не могу, не знаю, не буду, – толстяк огляделся, задержал взгляд на переводчике, но тут краем глаза заметил официантку, кивком подозвал ее. – Беги к капитану, направляемся вон к тому островку. Надо осмотреться...

Глава 2. Ранний звонок

Ненавижу будильники! Нет, не какое-нибудь конкретное устройство, что мешает спать, так сказать, некий физический объект, я терпеть не могу будильники как явление. Ненавижу! Безусловно, не один я такой. Редко кому нравится, когда что-то нагло и бесцеремонно прерывает свидание. Интересное оно или нет, яркое или не очень, не имеет значения. Точно как и то, какой именно пробуждающий механизм вырывает тебя из объятий сна. Неважно, как он устроен, на каком принципе основано его пробуждающее действие, каким звуком он будит спящего. Конечно, те древние устройства, что своим варварским трескуче-звенящим шумом будили меня в дни далекого детства, это и во все ужас. Но и современные будильники недалеко ушли. Не поспоришь, звуки у них оригинальнее, чаще всего не столь отвратительные, но все равно хорошего мало. Будильник он был и остается будильником. Пусть он давит на уши отвратительной электронной пародией на петуха, пусть пробуждает довольно приятной мелодией, пусть песней в исполнении именитого французского шансонье, которой выводит меня из полудремы пробуждающее устройство, встроенное в мой телефон, неважно. Будильник это будильник...

Ритмичная музыка заполнила небольшую спальню, превращая ее в филиал модного клуба, громкость неуклонно на-

растала. Минута, другая и все кардинально изменилось. Исчезло бескрайнее море с белоснежной яхтой, растаял живописный островок – кульминация цветного сновидения. Вот как тут не расстроиться?!

Оцифрованная мелодия пошла на третий круг, а открывать глаза все не хотелось. Надежно сковал сон мои веки, дремотный дурман наполнил ленивое сознание. Вот не было желания просыпаться и все тут! Были другие желания, много их, разные они. Больше всего хотелось тишины, спокойствия, блаженного забытья. Еще мечта была заветная, хотелось отыскать это невероятно голосистое устройство да швырнуть его в ближайшую стену. Жаль только спряталось оно где-то в темноте, а чтобы его найти надо было, как минимум, открыть глаза. Надо было, но как раз этого-то делать и не хотелось. Покоя хотелось, покоя и дело не только в том, что за окном (я все-таки не удержался, подглядел) темным-темно! Так уж случилось, что вечер вчерашний удался. Хорошо посидели...

«А ведь это и не будильник вовсе! – цепочкой электрических импульсов по извилинам серого вещества проползла длинная и ленивая мысль. Проползла она и скрылась в умственном тумане. За ней проследовали отрывочные воспоминания, промелькнули яркими вспышками иллюстрации к событиям недавнего прошлого. Промелькнули они и растаяли. Еще одно мгновение и нагромождение нелепых дум и бесполезных размышлений окончательно рассосалось.

Остался отголосок мысли. Новой. Менее длинной, менее абстрактной, но не менее ленивой. – Это же мой телефон надрывается! Точно. Звонит кто-то. Среди ночи звонит! Вот умеют же некоторые «товарищи» так совесть свою запрятать, что и сами найти не в состоянии...»

Стоило мне понять, что являлось источником шума, как наступила тишина. Такая приятная, такая долгожданная. Я даже улыбнулся непроизвольно. Потянулся, зевнул, рассчитывая забыться сном, позабыть обо всех «трезвонящих по ночам», но нет. Не судьба. Неугомонное устройство завело новую песню...

Более терпеть было невозможно. Я мысленно выругался и рывком сел на постели. Понимая, что телефон, помимо звуков должен еще и светить ярким экраном, принялся вглядываться в темноту. Сработало. Из-под дивана пробивалось слабое практически неразличимое свечение. Наверняка аппарат лежал «лицом» вниз, спрятавшись в ворсе ковра.

– Ну, сейчас я с кем-то поговорю, ой поговорю, ну, готовься, считай, что ты дозвонился! – злобно прошептал я, шаря рукой во тьме.

Вот и он. Яркий, слишком яркий экран. Пришлось постараться, чтобы на нем сфокусироваться. «Неизвестный», безлико сообщил мне аппарат и показал длиннющий ряд из совершенно ничего не говорящих мне цифр. Мало того, что номер ничего мне не напомнил, так еще, судя по первым цифрам, звонили откуда-то из-за рубежа. Вот только этого

мне среди ночи и не хватало...

– Серега, хватит спать! Быстренько просыпайся, растопырай уши, можешь только одно растопырить, главное, внимательно слушай сюда... – бойко затараторил кто-то в динамике.

– Кто это? – мрачно пробормотал я.

– Витька...

– Какой еще Витька?

– Друг детства, одноклассник! Нет, слушай, если так дальше будет продолжаться, я обижаться начну, честное слово! Звоню тебе третий раз за последний месяц и каждый наш разговор начинается все с того же. Кто это, да кто это! Слушай! Может у тебя склероз? Или со слухом что-то? Если да, тогда ладно, прощаю, но хоть вид сделай, что меня помнишь, – смешливый голос в трубке вздохнул, ужас, до чего же фальшиво! – Нет, ну ты это... просыпайся быстрее. Время тикает! Я, конечно же, не со своего телефона звоню, не за свои деньги, но все равно совесть надо иметь!

И ему еще хватает наглости говорить мне о совести! Нет, я вспомнил, конечно, это Витькин голос, а сам Витька...

– А ты вообще где? Что за номер такой подозрительный? – похоже, я все-таки начал просыпаться. Еще и вопросы задавать правильные начал, ну, более или менее правильные.

– На острове, ну помнишь, я рассказывал...

– На необитаемом? – нет, правда, он говорил что-то. Было, звонил, хвастался, последний раз всего неделю тому на-

зад. Но разве все упомнишь!

– Практически, – голос начинал терять смешливость, вместо нее пробивалось раздражение, в отличие от недавнего вздоха целиком и полностью подлинное. – Ну? Ты уже хоть немного проснулся? Теперь можем серьезно поговорить?

– Как тебе сказать, учитывая нелегкий вечер, вчерашний, а еще тот факт, что сейчас без чего-то там четыре... утра, то... нет... – в моей сонной голове блеснула искорка надежды, надежды на то, что он отстанет, пусть не навсегда, пусть лишь на время.

– Черт, совсем из головы вылетело! Я ведь разницу-то во времени не учел. Пояса часовые...

– Именно! – ко мне мгновенно вернулось настроение, волною нахлынуло, даже рассмеяться захотелось. – Значит, ты мне позже перезвонишь? Отлично, жду звонка!

– Стоять! Нет, позже не смогу, дела, а потому слушай и запоминай. Я тезисами, – он запнулся и хихикнул. – Значит так, сейчас же, незамедлительно, бросай свои попойки и дуй ко мне!

– А «к тебе» это куда? А как дуть-то? – пробормотал я. Да, на редкость неглупые вопросы...

– Я так понимаю, все, что я тебе рассказывал в последнее время, ты попросту выбросил из головы. Ладно, я не гордый, я напомним! Дело обстоит так. Мой шеф, ну, хоть это ты не забыл, надеюсь, олигарх наш местный, купил себе остров. Да, я тебе не раз говорил, купил самый настоящий остров.

Именно сейчас я по нему прогуливаюсь, а с тобой по спутниковому телефону разговариваю. Природа здесь просто удивительная: чистое море, шикарный пляж с золотым песочком, непроходимые джунгли. Здорово? – он выдержал паузу, позволяя мне вставить слово, я же промолчал. – Здорово! Тут сейчас намечается грандиозная стройка. Дом возводить будем, точнее виллу, все, что у дома должно быть плюс солнечная электростанция. Также ветряков наставим, еще причал нужен, мол, прочее. Но это неважно, самое интересное во всем этом строительном беспределе – маяк. Ага, самый настоящий маяк! Правда, он не строится, он восстанавливается...

– Это все хорошо, – мрачно перебил я, – более того, отлично! Я за шефа твоего искренне рад. И за тебя немного. Мне-то ты зачем звонишь?

– Так потому и звоню. Я шефу при случае намекнул, мол, маяк, это не так просто! Настоящий маяк, говорю, вам бригада шабашников не соорудит. Тут, говорю я, специалист нужен особый, знающий, консультант одним словом. Понимаешь, к чему я веду?

– Честно? Даже и не догадываюсь.

– Что же ты такой тугодум! Сколько с тобой знакомы, ты всегда соображал гораздо шустрее...

– Слушай, Вить, а давай безо всяких там воспоминаний, безо всяких там отвлеченных понятий. Честное слово, мне и без того паршиво. Скажи прямо – с какой такой радости ты

разбудил меня ни свет ни заря?

В трубке послышалось ехидное хихиканье.

– Ладно, скажу, – голос стал тише, в нем послышались заговорщицкие нотки. – То, что мы долго разговариваем это даже хорошо. Будем считать, что мы, исключительно для того, чтобы «набить цену», чуточку потянули время. Прошу заметить, не мне, а исключительно тебе! Ага, пусть шеф думает, мол, уговариваю я тебя, занят ты, все такое. Ну, а звоню я потому, что предложил твою кандидатуру на должность этого самого эксперта в маячных делах!

– Ну ты и придумал... слушай, даже слов не подобрать. Какой из меня строитель? Да я в своей жизни кирпич на кирпич не положил. Видел как-то, как люди строят, со стороны. Вот и весь строительный опыт...

– Так я же тебе русским языком говорю – я рекомендовал тебя в качестве эксперта, консультанта! никоим образом не строителя. Да все что от тебя требуется – пройтись по острову с умным видом, головой покачать, да пару-тройку умных рекомендаций дать. Соображаешь?

– Да, но...

– Никаких «но»! Я ведь не просто так о тебе подумал, ты, насколько я знаю, в детстве как раз в каком-то маячном поселке жил?! Не помню, «наволок» какой-то, правильно?

– Ну да, маяк Выевनावолок. Родители его обслуживали, – удивительно ярко на фоне полудремы всплыли детские воспоминания. Лазурные воды бухты Малой Калиновой, в са-

мом центре ее, покачивающаяся на легких волнах швартовочная бочка. На ней сижу маленький я. Смотрю вниз и вижу уходящую в толщу вод цепь, на конце которой лежащий на дне якорь. Море подбрасывает меня вместе с бочкой, покачивает, стараясь убаюкать. А вокруг, куда ни глянь, удивительная природа сурового заполярного края. Гладь моря, остров неподалеку, кораблики на горизонте. С юга и с севера, защищая бухту от ветров, высокие скалистые берега, на одном из них, северном, деревянные домики. Красота! А еще на краю каменистого мыса, возвышающаяся над этой почти пасторальной идиллией выкрашенная в оранжевый цвет башня маяка. Указывает путь рукотворная звезда, приветствует возвращающиеся из дальнего плавания корабли. Как же много воды утекло с тех пор! – Да, было такое, только не строили там ничего, даже не восстанавливали. Нет, я не спорю, кое-что запомнилось, но надо учитывать, что было мне лет пять...

– Вот! Я и говорю, все сходится! Видел, представление имеешь – самый настоящий эксперт. Значит, убедил я шефа, так ему и сказал – восстановление маяка, это очень серьезное мероприятие, тут специалист нужен. Экспертов такого уровня по пальцам пересчитать можно, говорю, но для вас я найду человека, который с детства маяками занимается! Теория, практика, все такое. Да, он, конечно, специалист редкий, человек занятой, но по старой дружбе, все такое...

– Хорошо, допустим, я соглашусь...

– Согласишься! Даже и не сомневаюсь. Я ведь еще не все тебе рассказал, дело в том, что за труды, за консультационные услуги, тебе гонорар полагается немалый. Готов услышать сумму? Десять тысяч. В неделю! Соображаешь? Десять тысяч! И не чего-то там, а их, «зеленых»! Проживание, питание все такое за счет работодателя. Теперь понятно, что значит должность эксперта?! Ну, сколько тебе надо на твоих подработках трудиться, чтоб такую сумму заработать? И ты все еще размышляешь?

На удивление отчетливо я почувствовал что проснулся. Честное слово, сам удивился! Столько лет на свете живу, а подобное ощущение у меня впервые. Казалось, Витька-баламут лишь несколько слов произнес, а просто как обухом по голове ударил. Только что спал, а тут, раз и я уже полностью проснувшийся.

– Конечно, это аргумент. Весомый аргумент! Но ты сам знаешь мое нынешнее положение, да я не то, чтобы на острова какие-то ехать, необитаемые, я дальше ближайшего райцентра вряд ли доберусь. Денег попросту не хватит...

– Это, друг мой, ничуть не проблема. Все что от тебя требуется – доберись до ближайшего города с аэропортом. Там тебя встретят. Более того, я за тобой самолет вышлю, персональный! – Витька выдержал многозначительную паузу. – Так что ты говоришь, я могу передать шефу? Что ты согласен и готов выехать, скажем, ровно через неделю?

– Да разве тут откажешься! Но ты хоть намекни, куда

ехать-то? Глобус – он большой, Земля же еще больше...

– Яванское море! – с отчетливо слышимым в голосе оттенком пафоса произнес Витька.

– А, Индонезия, – безлико ответил я.

– Точно! Ну ты даешь, – теперь уже слегка расстроено пробормотал он, – когда мне шеф море назвал, я первым делом спросил, а это где!

– Географию учить надо было. А если точнее?

– Э, нет! Точные координаты не дам, шеф запрещает. Говорит, пока все не обустроим, чтобы ни одна живая душа не знала! – Витька противно хихикнул и полушепотом добавил: – Так что готовься: подписка о неразглашении, клятва на крови, все такое.

Сопровождаемая еще более противным хохотом друга связь оборвалась. Я же поднялся, прошелся по комнате, снова сел на диван и серьезно задумался. Нет, не о том, ехать или не ехать, тут думать не о чем. Почему-то меня занимал глупый до ужаса вопрос – что означает Витькин смех? Совершенно бессмысленный вопрос, ведь, сколько я его знаю, его хлебом не корми, дай вдоволь посмеяться...

Глава 3. Путешествие на край света

Отведенную мне на сборы неделю я потратил с умом и с пользой. Ответственность, как иначе! Не мог же я позволить себе ударить в грязь лицом, тем самым подвести друга детства, да вдобавок навлечь неприятностей на свою голову. Именно так, ведь мало ли что может случиться! Помню, Витька частенько страшилки разные о своем шефе рассказывал. То тот кого-то в открытом море за борт выбрасывал, то среди степи из машины высаживал, то к дереву в лесу провинившегося привязывал. Нет, я ничего не утверждаю, может статься, что байки все это, так всегда было, друг мой Витька – большой любитель приврать, тут некуда правды деть, а что если нет?

Неважно. Как бы там ни было, я прекрасно понимал – дело мне предстоит серьезное, деньги обещаны немалые. И если дело это ладно, то деньги – такая вещь, которая всем нужна, мне же не меньше чем другим, следовательно, я обязан, если не стать экспертом, так хотя бы выглядеть таковым. Вряд ли для этого достаточно рекомендаций друга Витьки да пары-тройки моих собственных воспоминаний. Тут нужны хоть какие-нибудь знания, специфические, только откуда же им взяться...

Первым делом я обратился к памяти, но не к той, что в голове, а к той, которую можно потрогать, взять в руки, рас-

смотреть. Точно, я перерыл старые фотоальбомы, выбрал пару десятков снимков маяка, того, который был ярчайшим впечатлением далекого детства. Конечно же, выбрал исключительно те фото, на которых не было меня, тогда еще очень маленького эксперта. Сложил все в папочку, получилось чуть-чуть даже солидно, можно сказать, завел я себе «портфолио».

Еще минута и к фотографиям прибавилась внушительная коллекция грамот, датированных, конечно же, прошлым веком, но не в том суть. Главное, есть они, да и учреждение, сотрудникам которого они выданы указывалось. Все как одна благодарности работникам маяка. Нет, не то, чтобы подобная коллекция фотоматериалов с цветными картонками могла мне помочь в работе «эксперта-консультанта», но ведь это уже что-то! Эти бумаги, пусть косвенно, подтверждали мою квалификацию. Есть вопросы? Пожалуйста, вот маяк, вот грамоты, благодарности, да был, да обслуживал, опыт имею! Должно пронести. Да точно пронесет, ведь на маячных консультантов нигде не учат, следовательно, подобного диплома в природе не существует. В общем, раз документального свидетельства наличия знаний нет, надо обходиться подручными средствами.

Конечно, это еще не все, свидетельства, так сказать, это свидетельства. Грамоты с фотографиями это хорошо, встречаются, ясное дело, по одежке, в моем случае по бумажкам, вопрос в том, как провожать будут! Мало документами разма-

хивать, надо еще и говорить что-то, советы дельные давать, да и просто глупцом не выглядеть...

Понимая, что умные слова из пустоты не рождаются, я отправился в местную библиотеку. Нет, книг, касаемо обустройства и эксплуатации маяков в ней не было, да и быть не могло. Просто наша библиотека – единственное место во всем захудалом поселке, где, и довольно-таки сносно, работал интернет. Более того, к нему можно было подключиться за символическую плату. А если точнее, то всего за несколько улыбок, прибавив к ним парочку комплиментов в адрес нашего библиотекаря, красавицы Валюши. Эх, до чего же обидно, что она замужем! Если бы не эта досадная мелочь, да не ее муж – кандидат в мастера спорта по самбо, уж я бы одними комплиментами не ограничился...

Так, поглядывая на аппетитные формы Валентины да изредка в монитор своего старенького ноутбука, я собрал внушительную коллекцию фотографий маяков мира, разукрасил ими свой компьютер. А что, пусть видят – я настоящий энтузиаст своего дела! В качестве дополнения и чтоб поднять уровень знаний, прочел несколько умных статей о природе света и линзах Френеля. Каждую статью перечитал дважды, старался изо всех сил, вникал, вот только, если совсем честно, практически ничего из того, что в них было написано, я не понял. Тем не менее, сохранил в памяти компьютера, так, на всякий случай, может позже прозрение наступит, может, поумнею. Сомнительно это, да и ладно...

Пролетел обозначенный в устной договоренности срок и вот я, сонный, помятый, измученный «марафоном трех электричек», поздним вечером очутился на железнодорожном вокзале областного центра. Вышел из относительно теплого (согретого большей частью самими пассажирами) вагона, шагнул в звенящий мороз и оказался на изрядно заваленном снегом перроне. Остановился, оглядываясь, расстраиваясь, замерзая и попутно просыпаясь.

– Сергей Владимирович? – послышался заискивающий голос. Я подскочил от неожиданности, резко обернулся. Рядом со мной стоял молодой паренек, он часто мигал глазами, широко, но ничуть не искренне улыбался. – Здравствуйте! А я вас сразу узнал. Виктор Павлович очень точно вас описал. Позвольте вашу сумку? Благодарю! Пожалуйста, проследуйте за мной. На привокзальной площади вас ждет машина.

– Спасибо! – пробормотал я, предвкушая тепло и уют.

Сотня шагов вдоль старого здания вокзала и мы оказались у большой, я бы сказал, огромной машины. Внедорожник. Совершенно черный, что шины, что диски, что кузов, что стекла. Мрачноватое средство передвижения, от него веяло мощью, скоростью, а еще чем-то, что сродни суеверному страху, даже перекреститься захотелось.

Рядом с авто стоял охранник. В тон машине, весь в черном от ботинок до очков. Он коротко кивнул мне, резким движением руки открыл дверь, принялся часто и энергично вертеть головой, не иначе как пытался обнаружить каких-ни-

будь злоумышленников, а то и вовсе террористов.

Пусть никого, кто бы мечтал совершить покушение на меня – крупного специалиста в области дел маячных не нашлось я чуть не в первый раз за то время, что живу на свете, по-настоящему испугался за свою жизнь. Видимо, выделение персональной охраны человеку неподготовленному серьезно давит на психику...

Встретивший меня паренек оказался водителем-асом, человеком, которому не просто нравилось делать то, что он делал, он этим жил. Секунда и подмигивая проблесковыми маячками, часто «крякая» противной сиреной, мы мчались по вечернему городу. Летели, оставляя позади квартал за кварталом, игнорируя знаки, разметку, светофоры. Лишь единожды водителю пришлось сбавить скорость, пролетая очередной перекресток на запрещающий красный свет. Пришлось притормозить – по пересекаемой нами улице медленно и неспешно тащился греjder. Ситуация понятная, хоть мигай, хоть «крякай», толку не будет, а вот неприятностями в виде капитального ремонта для машины и реанимации для пассажиров можно запросто разжиться.

Водитель вел авто, беззвучно шевеля губами. Черный человек, в черных очках, мой временный охранник, также старался изо всех сил. Вертел он головой, влево, вправо, рывками оглядывался назад, изредка подпрыгивал, будто автомобиль мчался не по приличному асфальту, а по кочкам да выбоинам. Вслед за ним подпрыгивал и я, не могу ска-

зять, страх тому виною или мужская солидарность. Нет, я ничуть не возражаю, понятно все, работа у него такая! Издержки профессии, наверняка в каждом случайном прохожем ему виделся злоумышленник, за каждым зашторенным окном прятался воображаемый снайпер. «Любопытно, как он засыпает? Да и спит ли вообще? – подумал я, начиная чувствовать себя невероятно важной персоной, но не ощущая от своей мнимой важности, ни малейшей гордости. – И еще, как я после всего этого усну? Честное слово, мне действительно становится страшно...»

Прошло минут пятнадцать ничуть не больше, и мы оказались на противоположном конце города. Миновали окружающий многоэтажные здания пояс частного сектора. Еще минута и подкатили под шлагбаум у въезда на территорию аэропорта. Авто подмигнуло фарами, почти сразу шлагбаум, а синхронно с ним и отдающая честь рука охранника аэродрома, пополз вверх.

Первым выскочил мой телохранитель. Он остановился у машины, широко расставив ноги. Его голова завертелась еще энергичнее, нежели вертелась в машине, просто как у совы, на все триста шестьдесят градусов. Скрытые темными стеклами глаза вглядывались в каждую деталь окружающего пейзажа, правая рука, готовая в любой момент выхватить пистолет, застыла у левой подмышки. Пальцы нервно подрагивали. Если добавить к его портрету действительно перепуганного меня, живописно выглядывающего из машины, про-

сто-таки живой комикс получится, «Шеф приехал» называется...

– Чисто, выходите! – шепотом скомандовал охранник. Похоже, он чуточку успокоился, я же попытался последовать его примеру. Тщетно.

Просто у дверцы машины начинался трап небольшого, но судя по всему, очень даже дорогого самолета. На верхнем конце выдвижной лестницы дежурной улыбкой, точно такой же, как та, что я наблюдал на лице водителя, улыбалась стройная, скорее, изящная стюардесса. Судя по ее одежде: форменной короткой юбке и полупрозрачной блузке, она промерзла насквозь.

– Можете подниматься! – продолжал руководить моей погрузкой охранник. Он снова начал нервничать, непроизвольно нервируя меня. Надо идти, тем более, он пока не возражает...

– Добро пожаловать на борт! – при ближайшем рассмотрении улыбка очаровательной девушки уже не выглядела дежурной и безликой. В ней было чуточку искренности, которую практически затмило вполне подлинное любопытство. Еще бы, наверняка она впервые эксперта по маякам встречает! Вот я, к примеру, гораздо старше ее, а подобных специалистов в жизни не видел, ни одного...

– Спасибо! – я улыбнулся, как мог беззаботно. – Куда идти?

– Направо, в салон проходите. Выбирайте любое место,

какое вам понравится. Как только будете готовы, скажите, мы тут-таки взлетим.

– Понятно, – кивнул я, с новой силой чувствуя себя уважаемым человеком и с новой силой ощущая от этого чувства одно лишь отвращение.

С другой стороны большого иллюминатора неподвижный, будто каменный стоял мой телохранитель. Таким и остался он в моей памяти: человек-камень, одна сплошная сосредоточенность, весь напряженный, готовый к любой неожиданности. Единственное, что изменилось в его облике, и то чуть-чуть, практически незаметно – выражение лица. Казалось, он расстроился. Скорее всего, расстроился из-за того, что никто на нас не напал, никто не попытался отбить у него меня, главного, так сказать, специалиста по делам маячным! А он так надеялся...

Хотя, все может быть гораздо проще, вполне вероятно выражение его лица и не менялось вовсе. Возможно, это лишь видимость, иллюзия, а причиной ей вечер, стремительно переходящий в ночь, да толстое стекло иллюминатора.

– Вы готовы? – удивительно, но теперь на лице стюардессы сияла настоящая без намека на фальшь просто-таки душевная улыбка.

– Да, можно взлетать, – наверняка переменам способствовал мой растерянный, если не сказать испуганный вид. Все-таки, что бы я ни думал, чем бы ни старался занять свою голову, как бы ни пытался отвлечься, но мне предстоял первый

полет, а оттого было страшновато. Выглядеть трусом не хотелось, надо было что-то сказать, отвлеченное, а лучше отвлекающее, вдруг получится... – Скажите, мы ведь границу пересекать будем, разве не должно быть какого-нибудь контроля, таможенников, пограничников?

– Не волнуйтесь, без этого не обойдется. Но у нас дальний перелет получится, сядем еще в нескольких аэропортах в пределах страны, последним будет Владивосток. Заправимся, там же нас и досмотрят. Нет, не стоит переживать, досмотрят не слишком тщательно, – девушка снова улыбнулась, на этот раз дружески, присела у моего кресла на корточки, застегнула ремень безопасности, кажется, подмигнула и направилась в сторону кабины пилотов.

– Могу сказать с уверенностью, полет, это такое дело, к которому надо готовиться заранее, – бормотал я, намертво вцепившись пальцами в подлокотники. Не подумайте, это вовсе не аксиома, даже не умная мысль, это исключительно мои ощущения. – Кстати, готовиться надо не одним лишь пилотам, нет, им в первую очередь, но требуется подготовка и пассажирам, желательно задолго до самого полета. Да, пока я не знаю какая именно. Но ничего, лететь мне еще и лететь, я много чего успею передумать.

Первые отголоски этой не блещущей разумностью мысли посетили меня еще тогда, на земле. В тот миг, стоило нашему автомобилю вырваться на взлетную полосу небольшого аэропорта я увидел самолет. Он стоял первым в ряду се-

бе подобных. Проржавевший буквально до дыр, с погнутым винтом, со сломанным стабилизатором. Именно тогда во мне проснулся страх. Тут еще охранник со своими нервами! Чуть позже, увидев симпатичную стюардессу, я слегка расслабился. Понадеялся, что страх остался внизу, в автомобиле, на сиденье рядом с телохранителем, оказалось, нет. Здесь он, во мне, вокруг меня. И даже осознание того непреложного факта, что летательный аппарат, пробудивший во мне мерзкое чувство был старым, списанным, как-то не помогало...

Удивительно быстро нашлось лекарство от... всего. Правда, не я его отыскал, Леночка подсказала, все та же очаровательная стюардесса. Лишь только мы набрали высоту, она, по-прежнему мило улыбаясь, предложила ужин. Сама еда, пусть какой бы вкусной та ни была, мне не помогла, но вот несколько бокалов очень даже хорошего коньяка быстро расслабили и успокоили. Спустя лишь несколько минут я практически забыл о том, сколько километров между мной и твердой землей, а позже и вовсе уснул, отдавая себя в руки умелых пилотов.

Именно так, большую часть полета я попросту проспал. Просыпался лишь для того, чтобы понаблюдать за приземлениями и взлетами. И вот очередная посадка. Мои сонные глаза открылись и быстро замигали. Сквозь один из дальних иллюминаторов пробивался яркий свет. Ближайшие были закрыты плотными занавесками, не иначе как заботливая стюардесса постаралась. Нет, все-таки быть уважаемым пас-

сажиром очень даже неплохо!

За надежным стеклом иллюминатора картина заметно менялась. Земля приближалась. Поля, леса, редкие строения, бескрайнее море на горизонте, все земное становилось ближе, виднелось отчетливее. Я прильнул к стеклу. Засмотрелся. Удивляясь собственным ощущениям, отметил полное отсутствие страха. Не было его и все тут! Было понимание того факта, что мы приземляемся, его не пыталась затмить глупая мысль о возможной аварии.

Казалось, самолет только коснулся земли. Только-только остановился, как сразу в салон вошел, почти вбежал молодой паренек в форме пограничника, за его спиной маячили двое его коллег. Он кивнул, здороваясь, несколько секунд помялся на условном пороге – алюминиевой полоске, делящей самолет на места для пассажиров и территорию экипажа. Потоптался, поглядывая на меня, будто не мог решиться на что-то. Решился. Подошел. Остановился у моего кресла, вопросительно кивнул на сиденье напротив.

– Да, конечно, – наконец-то опомнился я, – присаживайтесь, располагайтесь.

– Спасибо! – чиновник открыл портфель, извлек из него планшет, несколько бланков, толстую неудобную ручку, сложил все это на столике. Бланки пододвинул ко мне, заискивающе, как большинство тех, кто мне встретился во время нечаянного путешествия, улыбнулся.

– Я взял на себя смелость заполнить бумаги, будьте так

добры, посмотрите, все правильно?

– Фамилия, пол, год рождения, паспорт, да, все точно.

– Тогда распишитесь, будьте любезны, и более я к вам вопросов не имею.

Я поставил подпись, он тут-таки подскочил, собрал свои бумаги, спрятал непонятно для чего извлеченный планшет, бойко взмахнул рукой, отдавая честь, быстро вышел. За ним последовали и те двое, которые все это время попросту простояли у входа в кабину экипажа.

– Вот и все, с формальностями покончено. Самолет заправлен. Взлетаем? Хорошо. Тогда пристегнитесь, пожалуйста, безопасность... – стюардесса одарила меня очередной, пожалуй, наиболее удачной за все время полета, улыбкой.

– Следующую остановку не объявите? – улыбнулся в ответ я.

– Конечно! Значит, мы сядем в Гонконге, на часик, не больше, заберем груз, это распоряжение начальства. Кстати, если вы хотите пройтись, размяться, погулять по городу, можем и задержаться. У нас распоряжение, делать все, чтобы вы были довольны полетом. В разумных, конечно же, пределах.

– Нет, спасибо, – растерянно пожал плечами я, – чего я там не видел...

– Как будет угодно, – девушка повторила мой жест, только в ее исполнении он выглядел как-то слишком уж печально. Не знаю, может, ей самой хотелось погулять по Гонконгу, так

сказала бы прямо... – Дальше Сингапур. Там вас встретят...

Полет близился к финалу и это радовало.

Да, благодаря старому другу я заметно расширил перечень испытанных мною ощущений. Вот и летать научился, тем не менее, это утомляло. Ближе к Гонконгу мне со страшной силой захотелось спуститься на землю, в самом прямом смысле. Я уже не мог сидеть на месте. Устраивался и так и этак. Прогуливался по салону, прикладывался к бокалу. Ничего не помогало, наоборот, только сильнее хотелось вниз. Трудно представить, как это люди умудряются чуть не всю жизнь проводить в небе? Вот та же Леночка!

Пожалуй, можно было передумать. Попросить задержать-ся в Гонконге, отдохнуть от полета, но смысла в этом не было. И дело даже не в том, что мы приземлились в аэропорту, расположенном на острове. Не то время суток! Ночь за окном, какой резон бродить в темноте по улицам незнакомого города? Правильно, никакого. Так что я ограничился тем, что полюбовался пейзажем с высоты, насмотрелся на яркие цветные огни. Дождался того момента, когда шасси коснется бетона взлетно-посадочной полосы и сразу же уснул. Все-таки усталость в комплекте с коньяком – страшная сила. Вдвоем они любого одолеют.

Очередное утро в небе. Утро это так условность. Я уже давно потерялся во всех этих временах, часовых поясах. Запутался. Еще и часы в телефоне добавили разнообразия, похоже, решили окончательно сбить меня с толку. Как иначе,

если цифры на ярком экране упрямо твердили – половина третьего. Утра, конечно же! Кто их поймет, что это за время? Местное? Домашнее? Просто среднее по земному шару...

– Потерпите, еще совсем немного осталось, – Леночка покачала головой, взглядом полным сочувствия глядя на меня. – Формальности много времени не займут. Для нас обслуживание, можно так сказать, по высшему разряду. Буквально через минуту подойдут пограничники, сразу на месте оформим бумаги...

Ее слова служили ответом на мое нетерпение. Лишь только колеса самолета коснулись земли, я с чувством нереального облегчения отстегнулся от надоевшего кресла, потянулся и встал, разминая ноги. Все-таки я человек земной, мне в небо не нужно, нет там для меня ничего интересного. В море, правда, тоже ничего, но, похоже на то, именно море меня и ждет.

Повторилась точно та же картина. Все вплоть до мелочей: дежурная улыбка, заранее оформленные документы, чисто символический досмотр. И пяти минут не прошло, как Леночка проводила меня к трапу, попрощалась, указала рукой в сторону машины, остановившейся у въезда на территорию. На прощанье она еще раз очаровательно улыбнулась, помахала рукой и вернулась в салон. Я же задержался у трапа, думая лишь о том, что здесь, в теплых широтах, ее легкая униформа более уместна...

Далее опять повтор, было уже такое: черный внедорож-

ник, охранник, брат-близнец того, что остался на далеком заснеженном аэродроме. Даже водитель-лихач был, правда, гонка не задалась. Пробки. Весь путь из аэропорта одна большая пробка. Неимоверно загруженные улицы мегаполиса. Еще и «мигалок» не было, приходилось передвигаться как все. Думаю, езда с сиренами да прочими атрибутами успешного человека – исключительно наше национальное изобретение.

Мимо меня, то стремительно, то чуть заметно, проплывали силуэты небоскребов самых оригинальных форм. Пожалуй, красивый вид, наверняка подобные урбанистические пейзажи многим нравятся. Мне же, как оказалось, нет. Давили они на меня, пробуждали желание оказаться как можно дальше отсюда, да еще и как можно быстрее.

Трудно сказать, сколько времени прошло с той поры, когда я вышел из дому. Запутали меня километры, проносившиеся под крылом самолета, сбили с толку сменяющиеся часовые пояса. Думаю, путешествовал я суток двое, может немногим меньше. Как оказалось, за все это время я просто-таки разучился спать лежа, сидя – пожалуйста, а вот на постели! Хотя, возможно в этом вина все тех же часовых поясов...

– Приветствую! Я Санек, – пилот вертолета, паренек в заляпанном краской комбинезоне, на вид плюс-минус мой ровесник, широко, а главное совершенно искренне улыбнулся. Он вытер руку пальмовым листом и протянул ее мне.

– Привет! Я Серега, – эхом отозвался я.

– Присядь где-нибудь, отдохни. Небольшие сложности, придется с полчаса подождать. Редуктор хвостового винта что-то барахлит. Но не волнуйся – все решаемо. Да и не в первый раз. В общем, жди, я сейчас!

Со сноровкой сделавшей честь любой обезьяне, он взобрался на шаткую стремянку, согнулся чуть не пополам, сунул обе руки в раскрытый лючок, принялся что-то там крутить...

Провалявшись большую часть местной ночи без сна, под утро я погрузился в чуткую полудрему. Удивительное состояние, сразу и не поймешь, где сон, где явь, открыты глаза или нет. Так, балансируя на грани сна, я встретил рассвет. Утреннее солнце бесцеремонно заглянуло в мое окно, разбилось на тысячи осколков, коснувшись огромной люстры. Яркие блики принялись играть в салочки, носиться по комнате, намекая на то, что нечего напрасно занимать место, надо вставать.

Смирившись с тем, что все равно не усну, я сполз с постели. Подошел к стеклянной панели, заменяющей собой стену и одновременно окно, посмотрел на утренний город. Увидел не так уж и много зданий, высотой превышающих тот уровень, на котором находился я. Поежился, стараясь не думать о том, сколько метров отделяют меня от земли. Совершенно некстати проснулось любопытство. Следуя его прихотям, я начал считать этажи соседних зданий. Мысленно выругался,

отвернулся от окна.

Нет, если объективно, к тому времени мне уже немного нравилось быть экспертом. Сами посудите, когда еще меня покатают на персональном самолете? Да еще и поселят в шикарном номере, может даже в каком-нибудь президентском люксе (точно может, выделенные мне хоромы по площади были раза в четыре больше всей моей квартиры, об убранстве я и вовсе промолчу), а в дополнение еще и накормят до отвала!

Мысль о том, что меня накормят, тут-таки отозвалась урчаньем в животе. Понимая, что подобного рода вопросы должны легко решаться, я подошел к телефону и долго на него смотрел, все пытался высмотреть хоть какую-нибудь подсказку. Осмотр ничего не дал, ни тебе инструкции, ни тебе намека.

Пожал плечами, снял трубку. Чей-то металлический голос пропел мне длинную тираду и умолк, его сменили короткие гудки.

Не успел я ни расстроиться, ни задуматься, как в номер постучали. Не дожидаясь ответа, двери распахнулись, въехала груженная тележка, за ней вошел официант...

Очень скоро, я даже не успел задуматься над тем, что делать дальше, в дверь снова постучали. На пороге возник мой сингапурский водитель и на достаточно приличном русском спросил, готов ли я продолжить путь. В ответ я равнодушно пожал плечами, он кивнул и жестом предложил следовать за

ним.

На этот раз поездка была короткой. Меня привезли в порт, там посадили на весьма оригинальную посудину: снаружи – старье, внутри – ультрасовременная яхта. Далее несколько часов плутания среди огромного количества островов, островков, просто скал и мы оказались у небольшого живописного клочка суши, со всех сторон окруженного морем.

Спустили шлюпку. Энергично кланяясь и бормоча что-то непонятное, матросы усадили меня в нее и доставили на берег. Уже там один из команды на ломанном (еще хуже, чем мой) английском объяснил, что я прибыл. Добавил, что меня уже ждут, пальцем изобразил винт вертолета и жестами объяснил, как к нему пройти. Ничего не оставалось кроме как помахать рукой на прощанье и удалиться. К счастью, идти было недалеко, да и человек, меня встретивший, оказался соотечественником, а уж это точно не могло не порадовать...

Исключительно ввиду полнейшего отсутствия каких-либо идей, чем можно занять себя среди новой для меня местности, я устроился на поваленном бревне, вытянул ноги и принялся безо всякого интереса разглядывать окрестности.

Среди насыщенной зелени растительности, подчеркнутый ею, красовался небольшой домик. Симпатичное строение, это даже и не дом, я бы назвал его заграничным «бунгалом», маленькое такое, симпатичное, сбитое из кривых, не струганных досок. Их необработанные торцы заметно добавляли колорита. Доски заходили друг на друга, между ними зи-

яли щели, настолько широкие, что рука запросто пролезет, эффектно должно быть ветер внутри гуляет, с завываниями. Нет, если не придирааться, это неплохо. Очень даже приличное жилье, особенно в условиях близости экватора. Там, где нет ни малейшей причины экономить тепло. Да еще и строение легкое, что также немаловажно, в случае урагана и жильца спящего не раздавит, да и отстроить его не составит особого труда. Словом, живописный домик, симпатично смотрится на фоне зелени леса, а особенно если заставить себя подняться с бревна, да чуточку отойти в сторону. Тогда он и вовсе волшебным выглядит, будто сошел со страниц детской сказки, такое себе жилище моряка потерпевшего кораблекрушение, приподнят он над землей почти на метр, крытый высохшими пальмовыми листьями. В тон ему пейзаж. Деревья вокруг, лес, а то и вовсе джунгли.

«Страшно даже подумать, если я отойду от дома всего на сотню метров, я смогу найти обратную дорогу? Вряд ли...» — дополняя красоту островка, мелькнула веселая мысль.

– Серега, будь другом, подай ключик на четырнадцать! Где-то он в ящике должен лежать, ага, в этом железном...

– Рожковый?

– Точно!

– Тогда держи...

Все-таки хорошо здесь. Тишина, уединение, вокруг одна лишь природа, везде она, куда ни глянь. Никаких намеков на цивилизацию. Почти никаких. От того так легко поверить,

что нет в мире ничего кроме моря, джунглей, неба над нами, да еще легкого домика, чуточку приподнятого над землей. Не вписывается в природную идиллию лишь бетонированная площадка, да стоящий на ней вертолет. Отвлекают они, прогоняют мысли, стремящиеся к единению с природой, возвращают меня мечтателя к реальности. Сразу понимаешь, что островок, на котором находишься, очень даже обитаемый, да и до настоящей цивилизации добраться не так и сложно, понимаешь, что близко она, везде она, вокруг. Все понимаешь, а от того становится чуточку грустно.

Рядом цивилизация, совсем рядом, достаточно лишь забраться в кабину вертолета, услышать гул винта над головой, да увидеть, как красота затерянного берега растворяется среди глади моря. Буквально несколько минут пройдет и растает вдалеке волшебная природа, останется только уныло-яркий урбанистический пейзаж. Мрачновато, как на это ни смотри!

Взгляд перестал бесцельно блуждать по округе и остановился на вертолете. Честно говоря, выглядел он не очень. Непрезентабельно, что ли? Да, было такое ощущение, но думаю, это меня избаловало недавнее путешествие. Слишком уж все было ярким, новым, блестящим, а тут...

Нет, правда, в сравнении с самолетом, на котором меня забросили на другой конец земного шара, вертолет заметно проигрывал. Нелишним было бы его покрасить, пусть лишь для видимости, убрать ржавчину, скрыть ее от глаз.

Мгновение и я уже не просто смотрел на летательный аппарат, я рассматривал его самым внимательным образом. Отметил про себя каждое пятно ржавого металла, каждую дыру в обшивке, но вот странность, замечая видимые недостатки, я и не думал об опасности. Даже мысли не было о том, что можно вместе с этой железной птицей рухнуть в воду. И куда только подевалась осторожность, а с ней и страх?

– Готово! – пилот энергично хлопнул лючком, завинтил фиксирующие его винты. – Можно считать ремонт законченным, все в лучшем виде, аппарат почти как новый. Ну, ты как, собрался? Отлично. Тогда чего ждем, в путь! Лететь нам часа два, никак не меньше. Вещи все погрузил?

– Да моих вещей всего одна сумка.

– Одобряю, я тоже люблю путешествовать налегке. Чуть что случится, ничто не будет отвлекать от спасения собственной жизни. Сейчас, погоди, отметимся, получим разрешение на взлет и возьмем курс на юго-восток, – парень щелкнул тумблером и быстро заговорил в микрофон. Из динамика ответили на том же совершенно незнакомом мне языке. Санька довольно кивнул. – Вот и хорошо, взлетаем!

Звук работающего двигателя ворвался в кабину. Я взглянул на своего нового знакомого, тот кивнул в сторону двери и крючка над нею. Я кивнул в ответ, взял наушники, надел, чувствуя, как грохот двигателя отходит на второй план.

Машину несколько раз сильно качнуло, будто бог летчиков и полетов взывал к моей недавно обнаружившейся бо-

язни полетов. Почти сразу, понимая, что страха не дождет-ся, сменил он свой божий гнев на милость. На минуту вертолет завис над площадкой, медленно обернулся вокруг своей оси в одну сторону, в другую, видимо Сашка проверял качество недавнего ремонта. Судя по довольной улыбке, оно его устроило.

Несколько тумблеров переведены во «взлетное» положение, аппарат уверенно начал набирать скорость, медленно, но неуклонно превращая остров в маленькую зеленоватую точку среди бескрайнего синего моря. Восторженно, почти с благоговением я проследил за тем, как дом и окружающие его деревья сливаются в сплошную зеленую массу, как растворяется остров в сплошной синеве.

Кабина слегка накренилась, и мы полетели вперед, в неизвестность, как минимум, в неизвестность для меня...

То ли от того, что это уже был второй в моей жизни полет, то ли по какой-нибудь другой не менее весомой причине, страх меня так и не догнал. Возможно, дело в том, что за время первого полета ни одного летчика я так и не увидел, а теперь видел, вот он, просто рядом со мной. Видел я, что творится впереди, видел, как человек управляет летательным аппаратом.

Конечно, сыграла свою роль и личность пилота. Сашку можно смело отнести к той категории людей, которые сразу располагают к себе. Просто-таки эталон уважаемого человека. На вид простой, что привлекает, при этом не чрезмерно

простой, что не отталкивает. Чувствуется, что он хоть и молодой, много чего повидал на своем веку. Вне всяких сомнений он много знает, многое умеет, следовательно, это человек, которому можно доверять, и не просто доверять, ему можно доверить самое ценное – свою жизнь. Профессионал, одним словом! Но это ладно, да, профессионализм это отлично, но более всего мне в нем понравилось полнейшее отсутствие раболепия во всех его проявлениях, не было у него желания угождать, пусть лишь заискивающей улыбочкой. На протяжении же всего затянувшегося путешествия подобных... гримас я насмотрелся вдоволь...

Слегка покачиваясь, летающая машина неслась вперед. Очень скоро единственным, что я мог видеть, было море, бескрайнее синее море. Завораживающее зрелище. Неторопливо, внимательно вглядываясь в мельчайшие детали однотонного пейзажа, я обвел взглядом горизонт, широкую морскую гладь, окружающую нас, таких маленьких, таких незначительных. Посмотрел на пилота. Тот ободряюще усмехнулся и сдвинул какую-то рукоятку в сторону, заставляя парящую в воздухе машину заложить довольно-таки крутой вираж.

– Слушай, Сань, а как ты вообще сюда попал? Чуть не на край света, – насмотревшись на местные красоты, спросил я.

– Как? Ветром занесло! – усмехнулся он и хитро усмехнулся. – Вижу, не веришь, а напрасно. Я ведь правду говорю, именно ветром и именно занесло. Лет без малого десять то-

му назад был я пилотом вертолета на научном судне. Так вот в одну из командировок изучали мы течения в этом самом районе...

Он замолчал и внимательно, будто пытаюсь высмотреть что-то среди спокойной водной глади, засмотрелся вниз.

– И что? – не выдержал я.

– Точно не скажу, но где-то в этих местах совершенно неожиданно налетел ветер, практически ураган. Подхватил он меня, принялся швырять, играясь, бросал с одного края моря в другой, а после надоело ему, да и забросил вместе с вертолетом просто к острову. Вертолет разбился о скалы, сам понимаешь, вдребезги, меня с напарником рыбаки местные выловили. Отошел, подлечился, вернулся на родину, но исключительно для того, чтобы уволиться. После вернулся. Поселился на том островке, куда ветер занес. С местными рыбаками дружбу завел. Язык выучил. Какой-никакой недвижимостью обзавелся. Были некоторые сбережения, удалось купить аппарат. Старенький, конечно, но вполне себе на ходу или на лету, так точнее будет.

Замолчав, он поправил наушники, отрешенно улыбнулся, иллюстрируя свои мысли и засмотрелся вдаль. Долго смотрел, внимательно, затем повернулся ко мне и печальным жестом пожал плечами.

– Ты уж извини, не очень-то я компанейский товарищ. Не зря же на остров сбежал, где население пару сотен человек. Как отнесешься к тому, чтобы включить музыку? У меня

тут аудиосистема высший класс. Ни в одном вертолете такой нет! – он засмеялся. – Одно плохо, двигатель громкий, весь звук глушит. Вот на земле да в тишине! Но ничего, я в наушники включу. Так как?

Вместо ответа я лишь медленно пожал плечами. Жест был правильно интерпретирован, Сашка кивнул, звонко щелкнул тумблером. Вокруг меня закружили приятные электронные ритмы.

Глава 4. «Валентина» или все-таки «Валенсия»?

Оставшуюся часть пути нас сопровождала музыка. Так, исключительно из любопытства, я задал несколько вопросов, Сашка мне отвечал, обстоятельно отвечал, не отмалчивался, но чувствовалось, что бесконечные разговоры – не его конек, ему ближе тишина и спокойная мелодия, да он и сам об этом предупреждал. Меня же подобное обстоятельство также устраивало, по природе своей я вовсе не говорун. В общем, приятная тишина была не в тягость и устраивала обоих.

Водная пустошь способствовала размышлениям. Навевала грусть, что сродни ностальгии, а когда вдалеке вырастали из воды редкие острова, скалы поросшие лесом, грусть исчезала, будто и не было ее вовсе. Улетучивалась она, освобождая место искреннему восхищению...

– Сашка, ты потерялся? Ау! Заблудился, что ли? Еще абориген называется... – заглушая музыку, в наушники пробился треск, сопровождаемый хриплым голосом.

– Не дожدهшься! Иду точно по графику. Уже вас наблюдаю. Готовь встречу, меньше чем через десять минут будем на месте.

– Да? А где ты? Ничего не вижу!

– Внимательнее смотри. Направление – северо-запад, вы-

сота – шестьсот пятьдесят.

– А! Нет, все равно не вижу. Ну и ладно. Ты главное давай быстрее, крути свои пропеллеры. Шеф пока молчит, он в задумчивости пребывает, а чего доброго очнется, нервничать начнет...

Конечно же, насмешливый голос в наушниках принадлежал Витьке, пожалуй, его слова предназначались и мне, так что не лишним было бы сказать пару слов от себя, но мне вдруг стало не до разговоров. Как-то растерялся я, догадка, молнией блеснув в потемках сознания, сбила меня с толку, заставила затравлено оглядеться. Я нервно вздрогнул, скосил взгляд вниз, направо посмотрел, налево. Вокруг, сколько ни вглядывайся, не было ни намека на приближающуюся сушу. Вода, от горизонта до горизонта одна вода.

Нет, не совсем так, далеко впереди и чуть правее я разглядел что-то маленькое, почти крохотное. Остров? Очень даже вряд ли. Нам туда? Быть того не может...

Светло-серая точка среди бескрайней синевы океана. Она быстро приближалась, увеличивалась в размерах. Спустя всего минуту точка превратилась в пятнышко. Бесформенное, оно на глазах обретало очертания, знакомые очертания! Корабль? Да, так и есть. Внизу, на волнах покачивалась яхта, очень похожая на то судно, которое чуть больше недели тому назад бороздило морские просторы в моих снах. Оно это: удивительно изящный корпус, притягивающие взор плавные линии, высокие, просто-таки высоченные мачты. Наверняка

в то время когда поставлены все паруса, силуэт кораблика выглядит наиболее эффектно! Вот только там внизу, точно как и в моем сне, полнейший штиль.

– Слушай, Сань, я не совсем понял, ты на воду садиться собираешься? – как-то в процессе полета я совершенно забыл о том, что придется приземляться, точнее, не думал о возможном приводнении. Плохая это затея. Вдруг что-то пойдет не по плану, крушение, тонуть начнем, а я практически не умею плавать! Так, держись на воде, но этих навыков для открытого моря явно недостаточно.

– Ага! Других вариантов, увы, не предусмотрено. Яхта, конечно, не самая маленькая из тех, что мне доводилось видеть, но для моего агрегата места маловато. Но ты не волнуйся, в вопросах экстремальных посадок я настоящий профессионал!

– Звучит ободряюще, но не очень, – мрачность мыслей совершенно не хотела отступать. – А вообще я был уверен, что меня сразу на сушу доставят.

– Ну, этот вопрос не ко мне. Мне платят исключительно за то, чтобы я принял груз, или как в данном случае пассажира, и доставил его в точку с заданными координатами. Что я, собственно, и делаю. Загрузил, привез, сгрузил. Вопросов не задаю, сомнений не выказываю. Пойми правильно, требование заказчика это как приказ в армии, его не обсуждают.

Из недр памяти выбрались полушутливые слова Витьки, касаемо таинственности всего происходящего.

– Неужели этот остров такой засекреченный, что никто не должен знать, где он находится?

– Да нет никаких секретов! Остров как остров. Один из десятка тысяч клочков суши, разбросанных в местных морях. Пролетал я однажды над ним, груз сбрасывал. Симпатичный такой островок, маленький, уютный. Проблема в том, что там приземлиться негде, зарос он весь, вертолетной площадки нет, не вертолетной тоже. Но это ничего, вот вы потрудитесь, наведете порядок, тогда буду летать прямиком, может и вовсе по расписанию, как рейсовый автобус, – Сашка повернулся ко мне, кивнул, сдвинул с места какую-то ручку. – Все, готовься, идем на посадку.

Как именно полагается готовиться к приводнению, я не знал. Вообще не имел ни малейшего представления, потому, так, для проформы, поправил ремень. Даже два ремня поправил, сначала тот, который удерживал меня в кресле, после, опять-таки на всякий случай, тот, который поддерживал мои брюки. Стиснул зубы, прищурил глаза...

– Начинаю снижение! – пилот щелкнул несколькими тумблерами и ободряюще подмигнул мне.

Неумолимо приближалась цель нашего путешествия. Яхта. До того, как мои веки сами собой сомкнулись, я успел детально рассмотреть морскую красавицу. Сразу отметил, что она не совсем такая, как мне виделось во сне! Нет, обводы, мачты, бушприт, даже якорь посреди носа, все это было, все это правильно. Просто форму кормы воображение не угада-

ло. Не было на ней витиеватой надписи, более того, ее и разместить не было возможности. Кормы, в моем понимании – плоскости, вертикальной или скошенной, попросту не было. Зато была палуба, маленькая симпатичная палуба, расположенная чуть выше ватерлинии – просто мечта любителя морской рыбалки. Нависала над ней каюта верхнего «этажа», что ж в принципе симпатично, хоть несколько угловато.

Конечно же, без названия не обошлось. Я разглядел сразу три. Одно большими буквами красивым, но плохо читаемым шрифтом, можно сказать, узором выведено на верхней палубе, второе красовалось на бортах в передней части судна, а третье – также на бортах, только буквами поменьше, расположенными полукругом, там, где борта спускались к рыболовной палубе. Каждая из надписей гласила: «Валенсия». Можно было подумать, что это порт приписки, но нет, вряд ли, название это...

«Лишь с небольшой натяжкой можно сделать вывод, что экстерьер яхты я угадал. Ладно, почти угадал, – пронеслось в мозгу. – Нет тут ничего сверхъестественного, это Витька постарался! Да он мне все уши прожужжал, рассказами измучил, вот информация и отложилась. Воссоздало мое воображение морскую красавицу, опираясь на детали из его рассказа. Правда, с названием промашка получилась, но и это легко объясняется. О ком думал... так и запомнил. Но от слов своих я не отказываюсь, «Валентина» в качестве названия для яхты гораздо лучше, чем что-либо другое...»

Мое кресло подозрительно задрезбужало. Завибрировало мелко, часто, амплитуда колебаний росла. Впервые за все время полета мне стало страшно. Я закрыл глаза, чувствуя, как вера в пилота постепенно исчезает, сжался, даже дышать перестал. Добавляя ощущений, летающую машину несколько раз подбросило, качнуло, сначала в одну сторону, после в другую. Она резко опустилась, будто упала. Последовал легкий толчок и все замерло.

«Похоже, поплавки коснулись воды, приняли на себя вес вертолета и пассажиров, – надежда, искорка которой все еще тлела в глубине сознания, оттеснила разрастающийся страх и трансформировалась в мысль, что казалась на редкость разумной. – Правда, для того, чтобы в этом убедиться, надо набраться смелости и посмотреть, а это непросто...»

Спокойствие и легкое покачивание. Некоторое время смягченный наушниками слышался гул двигателя, но скоро затих и он. Как-то сразу стало легко, позабылись страхи. Я открыл глаза и несколько раз ими мигнул. Огляделся, стараюсь детальнее все рассмотреть. Искренне обрадовался. Наша летающая машина стояла на воде и довольно-таки устойчиво. Приятно осознавать, что плавучесть огромной стальной птицы больше чем моя собственная. Это могло означать лишь то, что мои скромные способности держащегося на плаву «объекта» не понадобятся! Как минимум, в ближайшее время.

– Остановка конечная, готовимся на выход, – Сашка

толкнул дверь, выглянул наружу, увидел приближающуюся шлюпку с двумя матросами, которые энергично работали веслами, весело помахал им рукой. – Привет покорителям морей и океанов!

Парни из команды «Валенсии» действовали со знанием дела. Наш вертолет привязали толстым канатом. Один из моряков быстрыми движениями несколько раз обмотал стойку, закрепил все замысловатым узлом, довольный кивнул. Я так понял, случись ветер или появись среди водной пустыни желающий угнать железную птицу, ничего у него не получится, теперь вертолет улетит только вместе с яхтой.

Погрузились. Шлюпка устремилась к судну, где нас уже ждали.

По палубе, пригнувшись и забавно подпрыгивая в нетерпении, прогуливался толстячок, державший в руке колоритную соломенную шляпу. Заметив, что шлюпка возвращается, он перестал бегать взад-вперед, остановился, широко расставил руки, будто пытался обнять мир. Быстро понял, что его увидели, изобразил шляпой замысловатую фигуру в воздухе, подражая мушкетерам из старого фильма. Выпрямился, снова расставил руки и застыл в такой позе. Крупная фигура, большой живот, радушная почти счастливая улыбка. Знакомая улыбка, знакомое лицо, но вот остальное...

– Витька, ты что ли? – догадка вылилась в искреннее удивление. Конечно, сразу я его не узнал, лет десять не виделись, никак не меньше!

– Я! А кто же еще! Кто, скажи мне на милость, вовремя вспомнит о друге, кто первым придет ему на помощь! Правильный ответ – я, Витька...

Правда, это он. Трудно узнать, да практически невозможно! Помню те далекие времена, школу помню, так он же самым худым в классе был! Да у него и кличка была соответствующая: «скелет», которая, исключительно из-за невысокого роста, быстро трансформировалась в уменьшительное «скелетик». Шло ему это прозвище, тогда, давно, а вот теперь смотрю, головой качаю, да какой же это «скелетик», это я даже и не знаю...

– Здорово же тебя жизнь... раздобрила... – почти уважительно выпалил я, взбираясь по жутко неудобной веревочной лестнице.

– Это да, – Витька забавно поклонился и непринужденно расхохотался. – Тут ничего не попишешь, все идет мне на пользу, зато о тебе такого не скажешь, – он внезапно стал серьезным. – Ладно, давай быстренько покончим с официальной частью – Сашку отпустим. Забот у нас даже не вагон, а в несколько раз больше! Первым делом шефу тебя представлю, постарайся на него впечатление произвести или хотя бы не испортить то, которое создал я. Дальше у нас обед, после отдых, а вот с завтрашнего дня... ладно, это все потом. В любом случае сначала дело, после наговоримся. Держи Санька... твой гонорар...

Он протянул пилоту пухлый конверт тот, не проверяя со-

держимого, сунул его в карман мешковатых штанов, улыбнулся шире обычного, посмотрел на меня вытаскивающего из шлюпки свою, как оказалось тяжелую, сумку, пожал руку Витьке, затем мне, повернулся к гребцам.

– Так ребята, верните меня обратно! Мне в небо пора, – он повернулся к нам: – А вам счастливого плавания!

Не прошло и минуты, как мощный поток воздуха качнул яхту, вдавил меня в трубу, ограждающую палубу. Кажется, он даже сумку мою отодвинул, только чуть-чуть, ненадолго. Один Витька не сдвинулся с места, стоял он, не шевелясь, улыбался, махал пилоту рукой. Что тут скажешь, с его неподъемной массой никакой вертолет не совладеет...

– Пошли! – только стих шум винта, скомандовал Витька. – Сумку здесь оставь, ее заберут. Сам же следуй за мной. Для начала нам на верхнюю палубу. Как ты сверху должен был заметить, у шефа там один сплошной уют: солнце, шезлонги, небольшой бассейн...

Вслед за перекатывающимся с ноги на ногу другом детства я углубился в лабиринт лесенок и переходов. Энергично вертел головой, безрезультатно пытаюсь запомнить дорогу.

Как и следовало ожидать, яхта оказалась гораздо больше, нежели это казалось с высоты полета. Даже больше той, которая привиделась мне во сне. Не яхта, а небольшой круизный лайнер: сеть бесконечных коридоров, множество дверей, ступеней, переходов, о роскоши я и не говорю! Честное слово, не будь рядом со мною полноватого гида, заблудился

бы я, засмотрелся, не один час ждали бы меня там, наверху.

Вот и верхняя палуба. Мое воображение хорошо потрудилось тогда, во сне. Довольно натурально все изобразило. Правда, было исключение, достаточно заметное – бассейн. Как-то собирая фантазии в сон, не догадалось оно его изобразить, не захотело над ним потрудиться. А напрасно! Очень уж он оригинальный! Во всяком случае, я никогда не видел, чтобы мачта стояла просто посреди заполненной водой «чаши», да еще, чтоб ее стенки и дно были прозрачными! Хотя, с другой стороны, что я вообще видел! Да ничего, если честно. Во всяком случае, ни одной роскошной яхты, тем более, со стеклянными бассейнами и растущими из них мачтами...

На палубе в деревянных шезлонгах лежали двое. Первый – худощавый мужчина в возрасте, седовласый с большой и круглой ярко блестящей на солнце лысиной. Он лежал с открытыми глазами, задумчиво смотрел в безоблачное небо, наверняка о чем-то размышлял. Чуть в отдалении, у самого ограждения (я так решил – она прячется от тени мачты, которая могла бы испортить загар) расположилась девица, платиновая блондинка, лет двадцати с хвостиком. Как и должно быть на яхте, покачивающейся на волнах среди тропических морей, ее одежду составлял купальник, более того, точно как тот, в котором мне снилась жена олигарха: прозрачный, невидимый, условный. Да, купальник блондинки был практически невидимым, но вовсе не из-за складок кожи, просто он был чисто символическим: несколько ниточек, да

две тесемочки...

– Шеф, хочу вам представить – Сергей! – энергично выпалил Витька, стоило мне взобраться по очередной лесенке, которую, как мне позже объяснили, правильно называть трапом. – А это Константин Михайлович, владелец яхты, острова, еще много чего, кроме того, мой начальник, он иногда строгий, но всегда справедливый. Ну а Серега – мой старый знакомый, друг детства, крупный специалист в области обустройства маяков и прилегающих к ним территорий!

Вот незадача, если с названием яхты я, можно сказать, почти угадал, то в отношении действующих лиц – стопроцентный промах, опростоволосилась моя сонная фантазия. Худые в реальности мне приснились толстыми и наоборот. Хотя, Витька в моем сне не присутствовал, так что не так все и плохо. Да и неважно это...

– Прибыли? – владелец яхты отвлекся от созерцания чистого неба, несколько раз мигнул глазами, внимательно меня осмотрел. – Отлично!

У меня сложилось странное впечатление, показалось, что он не сразу понял то, что ему сказал Витька. Во всяком случае, он минуту смотрел то на меня, то на него, потом совершенно неожиданно подскочил, подошел, практически подбежал ко мне, энергично пожал руку.

– Наконец-то! Только вас и ждали. Вот теперь мы развернемся! – он повернулся к девушке, взгляделся в ее огромные темные очки. – Лариска, хватит лежать, сбегай к капитану,

скажи, отправляемся! И чтоб на всех парах!

Девушка недовольно фыркнула, взглянула на меня (или мне того хотелось? но зачем?), поднялась. Модельной походкой прошла по палубе, подошла к трапу, остановилась, повернула голову (нет, точно на меня смотрит! а что, я мужчина очень даже ничего...).

– Сожалею, что задержал вас, – непонятно почему начал оправдываться я, это все она, ее взгляды... – пока добрался...

– Нет-нет, что вы! Я никоим образом вас не виню. Я все понимаю, у вас такая редкая специализация, Витька мне все рассказал. Вас, знающих устройство маяков, во всем мире можно по пальцам пересчитать! Когда освободились, тогда освободились. Я же очень рад, что удалось вас заполучить!

Послышался легкий шум работающего двигателя. Медленно и величественно яхта двинулась вперед, разрезая острым носом морскую гладь.

– Да, я все понял, – прохрипел Витька в микрофон портативной рации. – Константин Михайлович, через тридцать минут все будет готово!

– Отлично. Сергей, сейчас вам покажут вашу каюту, располагайтесь, осваивайтесь, а через полчаса прошу к столу!

Достаточно быстро, исключительно благодаря тому, что меня сопровождал один из матросов, я оказался в каюте, убедился в том, что мои вещи принесли. Быстро ополоснулся, пытаюсь смягчить жар раскаленного воздуха, правда, без-

результатно. Переоделся и, опять-таки с сопровождающим, направился в кают-компанию.

К тому времени, когда я переступил порог просторного роскошно декорированного зала, одним из ярчайших украшений которого можно смело назвать сервированный стол, владелец яхты и Витька были уже там. Мне представили капитана. Константин Михайлович кивком указал на стул, что напротив своего, дождался пока я сяду и продолжил начатую еще до моего прихода речь:

– Правда, я не знаю, откуда это у меня! Меняюсь я, задумчивым становлюсь, даже сентиментальность за собой замечаю, – он пожал плечами и улыбнулся. – А тут еще и это. Честное слово, раньше ни одного маяка в жизни не видел. В смысле, лично не видел. На картинках там, по телевизору, да приходилось. Но это ведь не то! Вот и позже, когда яхту купил, в мореплавателя превратился, ни разу не обращал внимания на эти весьма полезные сооружения, а тут такое дело...

Громко цокая каблуками, в кают-компанию зашла девушка, та, которую я видел на палубе у бассейна. Теперь вместо откровенного купальника на ней было не менее откровенное ярко-красное облегающее платье с глубоким вырезом. Она остановилась у входа, оперев руку в бок, замерла, давая возможность всем присутствующим оценить ее фигуру, постояла несколько секунд, неторопливо направилась к столу.

Первым подскочил капитан, за ним, тяжело поднялся Ви-

тя, после встал я. Одарив нас троих насмешливым взглядом, поднялся и шеф. Вернее приподнялся, привстал, опираясь на спинку своего стула, подождал пока сядет девушка, сел, почти упал.

– Ах, да, я забыл представить, это моя... Лариска. Да садитесь уже, нечего стоять, обед остынет!

– Очень приятно, – осознавая, что ее имя называли исключительно для меня, ответил я, непроизвольно отмечая, что у нее удивительные зеленые глаза...

– Да, честно, – продолжал Константин Михайлович, – раньше я на маяки вообще не смотрел. А вот однажды, что называется, ни с того, ни с сего, случилось! Проснулся я ранним утром. Вот-вот рассвет начнется. Лежу, сна ни в одном глазу. Я на палубу вышел, вижу, проходим в виду маленького островка, зеленый он, лесистый, с горной вершиной посередине. Рядом же с ней, соревнуясь, кто выше, виднеется башня, а уже над ней зависло пробуждающееся солнце. Так все это красиво, удивительно, нереально, будто картинка из другого мира. Просто красота! Смотрел бы и смотрел. До сих пор отойти от столь прекрасного зрелища не могу. Задумаюсь, даже и глаз закрывать не надо – выплывает из недр памяти, пленит, захватывает. Непередаваемая красота, сказочное видение, волшебное! Да вы сами все увидите. Устройте, Игорь Александрович?

Капитан с готовностью кивнул.

– Все, что в моих силах, сделаю. Подойдем с западного

побережья острова, точно под восход солнца. Главное, чтобы облаков не было.

– Я так понимаю, вы планируете восстановить маяк, как это будет правильнее, в полной функциональности, – я решил, что самое время сказать что-то умное.

– Именно! Да, если вы намекаете на необходимость получения разрешительных документов – нет никаких проблем, уже все решено, обо всем договорено. Не без финансовых вливаний, конечно же! – шеф весело рассмеялся. – Так что об этом не беспокойтесь. Да, и еще о финансах, Витька озвучил мои условия?

– В принципе, да, – кивнул я.

– Они вас устраивают? Не спешите отвечать, я не треплю недопонимания, потому повторяюсь: оплата десять тысяч долларов в неделю, проезд, проживание, питание, все прочее, конечно же, за мой счет. Вот только одна неприятность, ситуация слегка изменилась... – Константин Михайлович вдруг замялся и как-то по-детски отвел глаза, – по поводу проживания. Изначально я планировал стать на якоре у острова. С таким расчетом, чтобы вы жили на судне, но, увы, ситуация! Я вынужден отлучиться, так что придется вас оставить на берегу.

– Ну и отлично, – совершенно искренне обрадовался я, – честно говоря, море это не совсем моя стихия, сухопутный я! В общем, меня все устраивает.

– Но я просто-таки обязан вас предупредить – условия на

берегу совсем не те, о которых можно мечтать.

– Да ладно вам, Константин Михайлович, – вклинился в разговор Витька, – нормальные там условия. Удобства, правда, во дворе, зато воздух, простор, теплый климат. Опять же земля твердая под ногами. К тому же я тоже остаюсь, а мы с Серегой, да в былые времена! Эх! Помнишь, Серега, походы наши?

– А как же! – с готовностью подтвердил я, полностью отдавая себе отчет в том, что не только с Витькой, а и вообще хоть с кем бы то ни было, в походы не ходил. – Нет, правда, для меня плохие условия на суше гораздо привлекательнее, нежели хорошие, да на волнах. Морская болезнь, все такое...

– Понимаю, – довольно кивнул шеф, – наверняка, если бы не это, вы бы занимались не маяками, а, к примеру, яхтами. Все, считаю, что мы договорились. Теперь же отставим праздные разговоры, да отобедаем. Не надо обижать нашего кока, он вон как расстарался!

Обед действительно удался. Блюда, сервировка, обслуживание. Конечно, сказывалось и то, что между завтраком и обедом пролетел практически целый день. Кстати именно поэтому поздний обед медленно перешел в ранний ужин...

Не иначе как в подтверждение моих слов о нелюбви к морским прогулкам я не спал всю ночь. Казалось, море совершенно спокойное, лишь легкое покачивание, но почему постоянно пол (простите, палуба), а с ней моя кровать (или все-таки койка?), проваливаются в пропасть? Именно в про-

пасть, пусть маленькая она, пусть неглубокая, но ведь пропасть! Хотя, кто сказал, что она неглубокая? Там, подо мною толща воды, да там километры... нет, эта жизнь точно не для меня. Страшно представить, что произойдет, если ветерок посвежеет, да волны подрастут.

Что я ни делал, а сон все не шел. Не планировал он заглянуть в каюту затерявшейся на краю света роскошной яхты. Не собирался он проведать меня, забравшегося за тысячи километров от дома. Мне же ничего не оставалось кроме как смириться. Вот и лежал я, смотрел в темноту потолка, стараясь убедить себя в том, что он не упадет, что он надежный, устойчивый в отличие от палубы. Лежал, смотрел и размышлял, думал на отвлеченные темы. Пытался решить, какое название для яхты лучше, «Валентина» или все-таки «Валенсия», думал, выдвигал аргументы, прекрасно понимая, что никого этот вопрос не волнует, даже больше того, он не волнует и меня. Оно и понятно – купи себя яхту, а после называй ее как твоей душе будет угодно...

Лишь за окном забрезжил свет, я поднялся. Перекатился к краю просто-таки огромной кровати. Сел, покачал головой, чувствуя покачивание палубы. Поднялся. Широко расставил руки, ступил несколько шагов. Шатаясь, балансируя, будто и вправду во время качки пробрался в ванную, ухватился обеими руками за выпуклый ободок раковины, открыл кран, сунул голову под холодную воду. Лучше, конечно же, не стало, но я на это и не рассчитывал. Собственно это так,

жест отчаянья, что и подтвердило сонное мое отражение.

Отмахнулся от собственной помятой физиономии, по-прежнему пытаюсь удержать равновесие, прошествовал мимо кровати и направился прочь из каюты, куда угодно, лишь бы на свежий воздух.

Как-то я совсем забыл, что нахожусь на незнакомом судне, понимание этого настигло меня не сразу. Надо бы испугаться, но было уже поздно, оказалось, я не только не заблудился, но и пришел туда, куда направлялся – на верхнюю палубу. Не ожидал от себя подобного! Но более всего я удивился, увидев сидящего в шезлонге владельца судна. Завернутый в белый махровый халат, с бокалом в одной руке и огромной сигарой в другой, он задумчиво смотрел вдаль, туда, где покачивалась над водной гладью яркая белая с синим отливом звезда...

– Вижу, я в вас не ошибся, – кивнул он в ответ на мое приветствие. – Можно на «ты»?

– Да, конечно!

– Так гораздо лучше. Не люблю я официоза, особенно в ситуации, когда он явно излишний. Вижу, ты человек ответственный. Дело превыше всего? Правильно! Я тоже в былые годы ночей не спал, делал все возможное лишь бы выполнить то, что обещал. Но все равно ты рано проснулся, солнце пока не взошло, виднеется только одна пытающаяся подменить его звездочка. Не знаешь, это Полярная звезда?

– Увы, нет, Полярную звезду из здешних широт не раз-

глядеть. А это не просто не Полярная, это даже и не звезда, это Венера, – уверенно выдало мое подсознание, чудом затерявшееся в его дебрях знание.

– Жаль! – искренне огорчился Константин Михайлович. – Действительно жаль. Ты мне напомнил о том, что мы в другом полушарии, о том, что мы далеко от дома. Так скоро и ностальгия нахлынет. Да ты не стой, нет правды в ногах, присаживайся! Коньяк, сигару?

– Точно нет, а кофе я бы выпил...

– Сейчас принесут, устраивайся! – краем глаза я уловил движение. Легкая, почти призрачная фигурка мелькнула у ближайшего трапа, послышались торопливые шаги.

– Если можно, без сахара! – крикнул я вслед удаляющимся шагам.

– Можно, все можно, – Константин Михайлович выпустил в утренний воздух длинную струю сизого дыма.

Глава 5. Осколок рая среди лазурных вод

Не стану возражать – действительно прекрасное зрелище! Но нет, я не увидел ничего сверхъестественного, ничего нереального, вроде какого-то чуть не божественного света, идущего от маяка. Более того, я толком не уверен, что разглядел сам маяк. Я видел солнце, нижний край которого опирался на маленький клочок суши. Красиво? Пожалуй, но если бы не предыстория, я бы этим и ограничился, посмотрел бы и забыл, а так воображение нехотя постаралось. Дополнило оно реальность, дорисовало некое подобие башни, чуточку уменьшило диаметр светила. В результате с горем пополам мне удалось увидеть то, о чем рассказывал Константин Михайлович за обедом...

– Красиво, ничего не скажу, просто красиво, – дипломатично ответил я на вопросительный взгляд моего работодателя.

– А то! – пробормотал владелец яхты, перестав буравить меня глазами, повернувшись в сторону островка. Судя по тону, моя реакция его полностью устраивала.

– Шеф, капитан интересуется, можно ли подходить к берегу, – тактично дождавшись того момента, когда солнце окончательно поднимется над островком, спросил Витька.

– Да. Самое время. К тому же сам понимаешь, ситуация, спешить мне надо, – встрепенулся тот и обернулся ко мне. – У меня есть еще несколько часов, сейчас высадимся на остров, пройдемся. Расскажу, что да как, что планирую, выслушаю рекомендации. Договорились?

– Конечно, какие могут быть возражения...

Остров приближался. Освещенный неумолимо поднимающимся солнцем живописный клочок суши радовал взор пышной зеленью, будоражил воображение предвкушением скорого знакомства. Любуясь на него в бинокль, я не мог скрыть волнения, мне действительно захотелось как можно быстрее ступить на берег, пройти по песчаному пляжу, углубиться в заросли. Манил он меня, увлекал, и дело не только в желании поскорее оказаться на твердой почве, хотя и это тоже.

Так и есть, в отличие от моего работодателя, меня маяк не сильно впечатлил. Да, симпатично, да живописно выглядела его частично разрушенная башня, что возвышалась над густой зеленью растительности. Симпатично, но не более того. Гораздо больше увлекала меня общая панорама, вся целиком, без деления на детали. Все пленяло взор, все вызывало трепет нетерпения: и ровная поверхность искрящегося в лучах утреннего солнца моря, и изумрудно-зеленый холм – подножие маяка, и благоухающая зелень тропического леса, и невысокая горная вершина – островерхий пик. Пожалуй, более всего именно пик. Симпатичный он, к тому же у ме-

ня, как у настоящего специалиста, тут-таки возник вопрос – почему маяк не соорудили на вершине? Это же отличное основание для башни. Вот лично я бы, построил его на самой высокой точке острова, а уж точно не в стороне от нее. Таким образом, можно было бы заметно сэкономить на высоте, следовательно, на стройматериалах. По-моему, это правильно, но вряд ли не известный мне архитектор поступил, так как поступил, не имея веских на то оснований...

Не желая рисковать доверенной ему яхтой, капитан дал распоряжение остановиться в паре сотен метров от берега. Завертелись лебедки, забегали матросы, очень быстро большой якорь скрылся в толще воды, лег на дно, надежно фиксируя судно. Спустили шлюпку. Шеф, Витька, ну и, конечно же, я, погрузились в нее, а матросы дружно налегли на весла.

Шлюпка спешила к острову. Я не выпускал из рук бинокль. Внимательно разглядывал берег, скалу, возвышающуюся над морем вековых деревьев, побережье, что становилось все ближе, бухту, приветствующий нас пляж.

Удивительной красоты пейзаж. Одно из тех мест, которые созданы, чтобы удивлять, одно из тех, которые буквально просятся на открытку. Особенно бухта – гавань полукругом, издали напоминающая греческую букву «омега». Вся округлая ее часть являла собой превосходный усыпанный желтым кажущимся издали золотистым песком пляж. За полоской песчаного золота стройной шеренгой выстроились высокие пальмы, слегка склоненные в сторону моря, покачивались

их огромные листья всего в нескольких метрах от кромки воды. Меж толстых стволов старых деревьев разрослись густые живописные заросли – переплетение ветвей растений ростом ниже, скрывали они промежутки между пальмами, создавали иллюзию сплошной растительной стены. Удивительная яркость цвета: бездонное синее небо, под ним густая насыщенная зелень, ниже золотой песочек, на который накатывали лазурные в утреннем свете, волны. Просто рай на краю света!

Но и это еще не все. Два штриха. Два одинаковых, просто зеркальное отражение друг друга, мыса. Они подчеркивали форму греческой буквы, ограничивая водное пространство живописной гавани. Вряд ли это природа так поработала, тут чувствовалась рука человека. Да, по-другому и быть не могло, ведь на краях песчаных «стрелок», искусственными скалами, возвышались одинаковые бетонные доты. Масивные сооружения, они буквально нависали над водой, казалось, парили над гладью моря, плыли по ней, поглядывая на нас, случайных туристов, прищуренными глазницами пустых бойниц.

– Наследие войны? – восторженно прошептал я, не в силах отвести глаз от приближающегося берега. В ответ Витка многозначительно хмыкнул и промолчал. Ему было не до разговоров, его пальцы намертво ухватились за деревянный борт, в глазах читался испуг, грозивший перерасти в панический ужас. Сразу стало понятно – не один я в шлюпке су-

хопутный.

– Так и есть, это еще одна местная достопримечательность. И еще одно временное неудобство – пока нет возможности причалить к берегу. Приходится каждый раз подходить на лодке, – извиняющимся тоном ответил за своего помощника Константин Михайлович. В тот момент острый нос врезался в песок, лодка покачнулась и замерла. Прибыли. – Но это все временно. Уже очень скоро достроят причал, он там, неподалеку, за этим продолговатым холмом. Изначально я хотел в бухте стоянку для яхты обустроить, но тут слишком мелко. Еще и море старается, песок наносит, пришлось бы постоянно дно углублять. В общем, работы много – толку мало, да и просто посмотри вокруг, разве можно такую красоту портить пирсами, молами, волнорезами!

– Поддерживаю, – совершенно искренне согласился я, хотя мое мнение на этот счет точно никого не интересовало.

– Наконец-то добрались, – облегченно выдохнул Виктор, шумно прыгая с кормы просто в воду, обрадованный тем, что лодка выдержала его внушительную массу. Я последовал его примеру.

– Да, прибыли, идемте! А вы можете приступить, – в отличие от нас шеф не стал прыгать в воду, он подождал, пока лодку развернут, подтянут к берегу, спрыгнул на сухой песок. Кивнул доставившим нас матросам, те сняли лодку с мели и, профессионально работая веслами, направились обратно к яхте. – Сейчас запасы кое-какие доставят. Не голо-

дать же вам!

– Это правильно! – кивнул головой Витька, с грустью в глазах рассматривая свои сандалии, под пряжки которых забрались колючие песчинки.

С берега бухта выглядела еще привлекательнее. Скорее всего, причина тому – спокойствие. Мое спокойствие от того, что ноги стоят на твердой почве, а еще умиротворяющее спокойствие природы. Как-то разом затихло все. Стих чуть заметный ветерок, лодка ушла, легкая рябь порожденная взмахами весел исчезла, будто и не было ее никогда. Зеркало спокойного моря радовало глаз отражением неба, прозрачные воды манили, предлагали окунуться, настаивали. Заманчивое предложение, но это будет после...

Исключительно для того, чтобы дать мне возможность вдоволь налюбоваться красотами места, куда меня забросила судьба, Константин Михайлович остановился на возвышенности, которую он назвал «продолговатым холмом». Занимательная деталь местного рельефа, своеобразный горный хребет, начинающийся у южного дота и уходящий куда-то вглубь острова. Как оказалось позже, эта возвышенность не имела ничего общего с горами. Это всего лишь насыпь над бетонным тоннелем. Была и вторая, точная ее копия, она начиналась у северного оборонительного сооружения, и также терялась где-то в непроходимых джунглях.

Я остановился, восторженно осматривая окрестности. Отличный вид, всего острова не рассмотреть, но часть, которая

меня интересовала, была как на ладони.

– Вон он вдали, твой, я бы так сказал, подопечный, – с просто-таки подлинной теплотой в голосе, произнес шеф. Я вздрогнул и посмотрел на него. Его же глаза внимательно, не мигая, смотрели на расположенный в нескольких сотнях метров от нас на холме чуть более высоком, нежели тот, на который взобрались мы, маяк. – Что скажешь, нравится? Каково мнение специалиста?

– Очень даже хорош! – авторитетно кивнул я. – Я бы сказал, весьма выдающийся образец маячного зодчества. Высокая башня квадратного сечения, внутри должна быть винтовая лестница. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что это маяк классического типа...

– Точно, не маяк, а классика... – Константин Михайлович с трудом заставил себя отвести взгляд от развалин. – Да, это он, он твоя забота. Прошу заметить важно не просто заставить его работать. Маяк должен выглядеть так, как выглядел в былые времена. Витька запросил все доступные материалы из местного архива, рисунки, фотографии, может, планы какие-нибудь отыщутся. Обещали все оцифровать и сбросить. Когда ты говорил?

– Вроде до конца недели должны все сделать. Хотелось бы быстрее, но что-то у них там со сканерами, или еще с чем-то, я так толком и не понял, – Витя покачивался, будто от ветра и тяжело дышал. – Несколько часов ушло на то, чтобы хоть как-нибудь объясниться. Нет, ну занесло же вас, Михалыч,

на край света! Что за народ, у кого ни спроси, никто русского языка не понимает. С горем пополам переводчика нашли, так толку от него...

– Это да! Со знанием языков у нас проблема, но с этим ничего не поделать, – согласился шеф и повернулся к побережью. – Прорвемся! Что еще интересного? Да, вон там, в воде, видишь, бревна торчат? Ага, это и есть причал. Вернее остатки старого причала. Изначально планировалось использовать «оригинальные» сваи, но, увы, время ничего не щадит. Так что теперь будем вбивать новые. Скоро прибудет паром, я технику заказал, материалы. Сделаем! Все сделаем. Что еще? Вон там дальше, просто на берегу, видишь, ребята топорами работают, площадку расчищают? Там будем дом строить. Если интересно, Витька покажет чертежи. Вне всякого сомнения, хорошо получится. Террасу соорудим на верхнем этаже, с бассейном, вид должен быть...

Пользуясь тем, что меня оставили скучать в одиночестве (Витька с Михалычем пошли «утрясать» какие-то вопросы по строительству), я решил прогуляться. Первым делом спустился в долину, туда, где трудились, расчищая площадку для постройки дома, два десятка мускулистых парней. Энергично размахивали они топорами, падали под их ударами мощные деревья, исчезали кусты.

Поздоровавшись и получив в ответ множество самых разных, но одинаково непонятных мне слов я дружески помахал им рукой и углубился в чашу леса.

Немного поплутав среди пышной растительности, удалось отыскать участок, где не так густо росли деревья. Под ногами, покрытые мхом, проглядывали камни, как нетрудно догадаться, обработанные руками человека, многие из них сдвинулись с мест под натиском представителей местной флоры, тем не менее, при определенной доле воображения, можно было увидеть общую картину – это была дорога. Вымощенная камнем дорога, которая начиналась от старого причала и вела куда-то к маяку, а вполне может быть и гораздо дальше него. Обрадованный нечаянным открытием и обретя направление, я прибавил ходу, направился прямо, ориентируясь на камни под ногами и виднеющуюся сквозь густые ветви башню маяка.

Хорошо идти проторенным путем, с курса не собьешься, не заблудишься, пусть даже природа постаралась, скрывая не только саму дорогу, но и мельчайшие признаки ее существования. Очень скоро, протискиваясь между толстыми стволами многолетних деревьев и продираясь сквозь не слишком густой, но очень уж колючий подлесок, я вышел к своеобразной развилке. Обнаруженная мною дорога убегала дальше, забирая правее, похоже, взбиралась на склон горы. К дороге примыкала узенькая дорожка, также мощенная камнем, она упиралась в полуразрушенную лесенку из нескольких десятков ступеней, которая вела, как легко догадаться, к главному украшению острова – к маяку.

Карабкаться на гору я не стал, решил отложить эту навер-

няка занимательную экскурсию на будущее, повернул к каменной башне. Задержался у начала лестницы, внимательно рассмотрел несколько полностью сохранившихся ступеней. Зачем-то потрогал покрытый мхом булыжник. Начал подь-ем.

Скоро я оказался на ровной площадке. Первое, что бросалось в глаза – практически полное отсутствие деревьев. Один подлесок, густой, но пройти, как оказалось, можно. Пробрался я через невероятно цепкий кустарник, подошел вплотную к башне. Последнее усилие и я стоял на камне от-лично сохранившегося порога. Обернулся, оглянулся назад, засмотрелся.

Из дверного проема значительно расширенного време-нем и постоянно воюющим человечеством открывался уди-вительный вид на восточную часть острова. Совсем близ-ко, просто у подножия холма, копошились рабочие, оставляя после себя лишнюю растительности площадку правильной прямоугольной формы. За ними частично скрытые деревья-ми виднелись временные строения, своеобразные бараки, тропический вариант. Эффектно выглядела бухта, назван-ная мною Омега, удивительно, я бы сказал красочно, плыли над водой доты, одетые природой, не иначе как для маски-ровки, в зеленые лесные одежды. Даже большей частью сло-манные старые сваи деревянного причала, которые вблизи должны были навевать уныние, отсюда, с высоты, издале-ка, выглядели живописной дорожкой, казались очертаниями

древней тропы, ведущей вдаль, уходящей в море.

Маяк отлично вписывался в общее великолепие. Дополнял он живописный ансамбль тропического острова, более того, был его доминантой. Высокая башня, сложенная из дикого камня обработанного чьими-то умелыми руками, достаточно хорошо сохранилась. Глядя издалека, я думал, что будет гораздо хуже. Тогда, любуясь пейзажем, я сразу решил, что ремонта, как такового и быть не может. Думал, разобрать придется все до последнего камешка, а уже после воссоздавать с нуля. Ошибался, как есть ошибался, но это все расстояние. Оно и только оно виновато...

Собственно, пострадала лишь верхняя часть строения примерно его четверть. Даже дилетанту понятно, что давно когда-то в нее влетел снаряд. Он прошел практически по центру, разметал камни севернее лестницы, металлу тоже досталось. Южная же стена сохранилась практически в первозданном виде, только кладка пошла трещинами, а если присмотреться, видно, как несколько камней сдвинулись со своих мест.

К нижней половине маяка претензий и вовсе не было, она была просто как новая. Стены целые, но немного пострадали проемы. Все, в той или иной степени. Дверной стал шире из-за нескольких вывалившихся камней, окна «второго этажа» лишились каменных подоконников. На фоне изрядно разрушенной верхушки это выглядело мелкой неприятностью.

Из всего увиденного я сделал вывод – желающий реста-

врировать маяк должен начать с частичного демонтажа...

– А еще говорил, что не строитель! – с гордостью подумал я. – Хотя, чтоб понять очевидное, не надо быть крупным специалистом. Достаточно просто поднять голову...

Внутри башни, как и следовало того ожидать, обнаружилась лестница. Узкая, винтовая, я бы сказал, «ожидаемого типа», в том смысле, что именно такую конструкцию я и ожидал увидеть. В основе – толстостенная труба, уходящая куда-то вглубь холма, к ней по спирали приделаны ступени. Мастерская работа. Тот, кто изготавливал примитивную на первый взгляд вещь, потрудился на славу. Даже теперь, спустя много лет после того, как ее вместе с маяком отдали на растерзание силам природы, она выглядела как новая. Чуть-чуть портили ощущения новизны разве что пятна ржавчины да мох, поселившийся в многочисленных отверстиях литого чугуна.

Лестница казалась надежной. Не поддастся соблазну и не попытаться взобраться так высоко, как только будет возможно, я не смог. Осторожно стал на нижнюю ступеньку. Она приняла на себя мой вес. Вопреки опасениям даже не шелохнулась. Я подпрыгнул. Все отлично, ни сама перекладина, ни лестница в целом не дрогнули. Хороший знак!

Верхний срез башни. Образно говоря. Это не та площадка, на которой должен был располагаться излучатель света, это именно срез, скол, сотворенный не архитектором, а артиллеристом. Именно здесь снаряд разворотил стены, он же

повредил лестницу. Большой кусок трубы вместе со ступенями оторвало и забросило куда-то в заросли. Пожалуй, можно будет его поискать, потом, если будет желание.

Удивительные ощущения. Я прикоснулся рукой к искоренной трубе. Провел пальцами по острым краям разорванного невиданной мощью металла. Конечно, это просто воображение, но показалось, будто я ощущаю жар раскаленного чугуна, вбираю в себя энергию летящего снаряда, переданную неподвижной цели.

Помимо ощущений эфемерных, здесь, наверху, чувствовалось легкое дыхание ветерка. Он приятно охлаждал лицо, беспокоил волосы. Радовал он, поднимал настроение. Хотелось оставаться на высоте как можно дольше. И дело не только в ветре. Была в этом месте какая-то энергетика. Нечто, что не поддается пониманию, что-то что есть, существует вне зависимости от того, верит ли человек, необходима ли ему эта вера. Я начинал понимать, почему маяк построили не на самой высокой точке острова. Наверняка место для строительства выбирали исходя именно из этой особой энергетики. Башня улавливала ее, усиливала, разносила вместе с путеводным светом по окрестным морям. Хотя, может все с точностью до «наоборот»? Может, сначала маяк построили, а уже после появилась энергетика, так сказать, благодаря ему? Или все еще проще – нет ничего. Есть только башня, на которой некогда горел свет, а все остальное я попросту нафантазировал?

Размышления о разных энергиях утомляют, да и не ведут они к каким-либо внятным последствиям. Потому глупые идеи были отброшены. На мгновение моими мыслями завладело вполне реальное ощущение – то ли от легкого ветерка, то ли под воздействием моего веса, лестница, металлическая конструкция, слегка, чуть заметно покачивалась. Точно, это никакая не выдумка. Стоило мне задуматься, приглядеться, как стало заметно движение. Я ощутил раскачивание трубы со ступеньками, а с ней покачивание всего видимого мира. Оригинально, вон даже горизонт и тот закачался, только еле-еле, практически неощутимо. Вместе с новыми ощущениями появились не лишённые логики мысли: «Ведь высота башни, пусть и частично разрушенной, очень даже внушительная. Сейчас все как рухнет, как обвалится. Мало того что падать нет никакого желания, так еще и репутацию подмочить неохота. Эксперт называется, приехал, доломал то, что до него не сломали, а после слег на больничную койку!»

Да, падать желания не было. На мгновение остро захотелось оказаться внизу, но все панические мысли разом померкли, растаяли страхи, потерялись они на фоне куда более сильного чувства – на фоне любопытства. Со страшной силой захотелось оглядеться, осмотреть остров с высоты, полюбоваться красотой идеально ровной глади моря, водной равнины, что начиналась на краю золотого песка и скрывалась за туманным горизонтом.

Удивительный остров. Вопросов о его происхождении не

возникало. Даже мне неучу понятно – он надводное продолжение подводной скалы, выросшей среди бескрайнего моря. Он лишь верхушка горы, корни которой терялись где-то глубоко под водой. Силы, что неподвластны человеку, подняли ее со дна, вознесли над уровнем океана, посеяли семена жизни.

Маяк – украшение острова, но не только люди стремились украсить живописный клочок суши, сама природа приложила к этому руку. Соорудила она свою башню, возвышающуюся практически в самом центре овального островка. Просто иллюстрация из учебника географии, классический горный пик: склоны, укрытые зеленым ковром непроходимого леса и, возвышающаяся над ним, острая каменная верхушка. Единственное, что портило общую идеальность, точнее, дополняло ее – одинокое дерево, что умудрилось закрепиться корнями за верхушку скалы. Удивительное по красоте зрелище. Как-то сразу захотелось почувствовать себя альпинистом, взобраться на вершину, а то и вовсе на верхушку дерева, вот откуда должен быть шикарный вид!

Я отбросил глупую мысль, успокаивая себя тем, что все еще будет, к тому же, что касается вида, с маяка он должен быть значительно лучше. Надо просто восстановить башню. Как ни смотри, а он будет выше горного пика и разве что чуть-чуть ниже живописного дерева.

– Так и будет, маяк должен быть виден с любой стороны, ведь это все-таки маяк! А я по ним эксперт... как ока-

залось...

Красивый вид, нечего возразить. Практически весь островок покрыт густой растительностью. Еще бы немножко постараться деревьям, захватить обнаженные камни, что на верхушке скалы и узенькую полоску прибрежного песка, а еще длинный «хвост» песчаной отмели. Вот было бы здорово – большое зеленое пятно среди безбрежного, радующего глаз синевой, океана. Стал бы тогда островок настоящим царством растений. Вот только не бывать этому никогда. Положил глаз на это чудо природы человек, теперь ему решать, где жить деревьям, а где лежать бетону. Он все разрушает, он все меняет, так уж он устроен – человек!

Но изменения это в будущем, да и не факт, что ландшафт кардинально преобразится. Что-то мне подсказывало, что новый владелец окрестных красот – человек понимающий, природа ему близка и понятна. Есть в нем романтика и есть ответственность перед будущими поколениями, чувства, что не свойственны большинству людей, которые имеют большие деньги. И это хорошо...

А верхушки деревьев все покачивались, приветствуя меня, одного из немногочисленных гостей, посетивших эти благословенные места, пришедшего полюбоваться местными пейзажами. Наверняка там, скрытая кронами деревьев, жизнь идет своим чередом. Своя, дикая, своеобразная и уникальная. Наверняка этот островок густо заселен. Живет там кто-то, может хищный, злой, прожорливый, может добрый и

пушистый, питающийся травой и искренне радующийся соседству с человеком. В любом случае надо будет переговорить с кем-нибудь знающим, с тем, кто сможет меня просветить на предмет местной фауны, а то кто знает, сунусь в дебри, а там... съест меня кто-то...

Живой иллюстрацией к моим путающимся мыслям, на голую вершину пика выбралась коза. Медленно, с достоинством она прошлась по камням, цокая копытами-каблуками. Остановилась. Задумчиво посмотрела по сторонам, внимательно осмотрела меня. Нет, это всего лишь видимость, зачем ей на меня смотреть?

Как бы там ни было, задерживаться она не стала. Мотнула головой, раз другой, подскочила на месте и метнулась в заросли. Вот же шустрая какая!

Продолжая осмотр островка с его красотами, я повернулся в сторону моря. Удивительно красивое побережье, ровная полоска золотистого песка. Пальмы, поглядывающие куда-то вдаль, туманные кораблики на горизонте. Один из них вовсе не туманный, да и не на горизонте он. Яхта. Стоявшая бортом к острову она позволяла вдоволь налюбоваться своими удивительными формами. Правда, не красуется она, капитан специально там стал на якорь, чтобы проще было припасы перегружать в две небольшие лодочки, что просто на моих глазах отошли от судна и держали курс на остров, спешили в бухту Омега.

Чуть в стороне, там, где в море уходили колонны деревян-

ных свай, на очищенную рабочими просеку вышли три человека. Двоих я уже знал, это Константин Михайлович и Витька. Шеф что-то эмоционально рассказывал, энергично размахивая руками. В такт его словам кивал Витька. Он без устали тыкал пальцем то в сторону моря, то туда, где должен быть построен дом.

Того, кто составлял им компанию я раньше не видел. Скорее всего. Со стороны, да еще и с высоты маяка трудно рассмотреть детали. Просто не похож он на тех, кого мне доводилось встречать во время путешествия. Уверен, вблизи он колоритный персонаж: выше Витьки почти на полголовы, удивительно худой. Плюс к этому смуглая кожа, странное одеяние. Еще и жесты под стать одежде, странные. Медленные они, будто сонные. Веяло от них чем-то, древностью, что ли?

Вот Михалыч выговорился, замолчал. Витька перестал кивать. Продолжая сонно жестикулировать, заговорил «худой». Что он рассказывал я, конечно же, не слышал, тем не менее, сложилось впечатление, что сказанное полностью удовлетворило шефа. Во всяком случае, он коротко кивнул и пожал «худощавому» руку. В тот же миг незнакомец быстро удалился, Михалыч же повернулся к Витьке, вопросительно кивнул, что-то сказал, Витька развел руками, растерянно повертел головой и неожиданно ткнул пальцем в сторону маяка. Похоже, самое время мне объявиться...

Почти сразу Витька скрылся в зарослях. Я же медленно

обернулся вокруг, прощаясь на время с местными красотами, тяжело вздохнул, будто не хотел с ними расставаться и не спеша начал спускаться.

– Серега! – послышалось откуда-то снизу. Витькин голос расплылся в воздухе, достиг моих ушей и медленно растворился в тишине тропического леса. – Ау! Ты потерялся?

– Нет! – крикнул я в ответ, удивляясь, сколь таинственно звучит мой голос, спускаясь с высоты, плутая в тесном пространстве башни, пересекаясь со своими отражениями. – Я на маяке!

– Вот же тебя занесло! Спускайся, Михалыча выпроводим...

Вместо ответа я медленно кивнул. Нет, я не надеялся, что этот жест кто-то заметит, пусть тот же Витька, да и неважно это. По большому счету я кивал для самого себя...

– Что скажешь? Первое впечатление, – в голосе владельца острова сквозило нетерпение. – Все очень запущено?

– Я бы так не сказал, – изо всех сил стараясь выглядеть знающим специалистом, начал я. – Да, башня действительно пострадала, но это не критично. По большому счету, достаточно разобрать ту ее часть, которая грозит обвалом, да сложить заново. Еще придется наращивать лестницу. Зато основание цело, фундамент не пострадал. В целом план работ у меня готов, но надо дождаться документов из архива, пока не совсем непонятно, как все изначально выглядело...

– Вот и отлично! Я так понимаю, работы вам обоим предо-

статочно. Правда, пока причал не достроят, с активной деятельностью придется повременить. Хотя, тебе и без того будет чем заняться, чертежи, планы, все такое. С территорией также разобраться не помешает. Посмотришь, может надо большой участок расчищать. Как-то так... – Михалыч вдруж запнулся и со странным выражением лица пожал плечами. – Да что я тебе рассказываю. Сам знаешь, что и когда тебе делать.

Огибая выступ, образованный украшением бухты, южным дотом, в нашу сторону спешила белоснежная в цвет яхты шлюпка. Она быстро приближалась, просто на глазах увеличиваясь в размерах. Вот уже можно было различить резные украшения на носу, разглядеть лица обоих матросов. Красивое зрелище – весельная лодка, есть что-то в этом привлекательное, что-то от романтики. Белая шлюпка, гребцы в белой форме. А ведь странный все-таки человек мой новый работодатель! Вот кто бы еще додумался запретить подходить к острову на моторах? Я бы точно не стал. А он вот как, нечего, говорит, местную живность лишней раз беспокоить!

– Пора? – спросил Витька.

– Да. Эх, ребята, я с удовольствием остался бы с вами, но, увы, дела. Переговоры серьезные. Да еще и мероприятие одно намечается... – шеф заметно помрачнел. – Но ничего, вернусь, тогда погуляем. Подстрелим, какую-нибудь козу из тех, что бегают в лесу, зажарим. Представляете, свежее мясо, на углях, на вертеле! Это вам не колбаса из магазина...

Он взглянул на нас. На улыбающегося Витьку, на меня, изрядно обескураженного подобным прощанием. Еще бы, как-то я раньше не встречал подобных руководителей. Слишком уж простецкое у него отношение к подчиненным. Сразу захотелось посидеть в компании у костра, попробовать свежего мяса. Конечно, пока он просто намекнул, вполне может быть, что это ничего и не значит. Было у меня подобное, только обещал директор не козу на вертеле, а барана на шампурах, лет десять прошло, а до сих пор жду! Но что-то мне подсказывало, что это не тот случай. Уверен, Константин Михайлович сдержит слово, будет, все будет, но потом, а вот пока...

Улыбаясь печальной улыбкой, шеф запрыгнул в подошедшую шлюпку. Матросы тут-таки налегли на весла, шлюпка заспешила к яхте. Мы же дождались, пока Михалыч поднимется на борт, помашет нам рукой и возьмет в руки бинокль. Разом, будто по команде помахали ему в ответ. Переглянулись.

Витька толкнул меня в бок и заговорщицки подмигнул. Указал подбородком направление и быстрым шагом заспешил по узкой недавно прорубленной просеке. Я двинулся следом, справедливо полагая, что мы идем туда, где должно находиться наше временное жилье...

– Как тебе апартаменты? – Витька первым взобрался по полуметровой лесенке, ступил несколько шагов и буквально рухнул на пол. Похоже, этот небольшой подъем отнял по-

следние его силы. – Надеюсь, ты не станешь возражать против моего соседства? Сам понимаешь – жилищный кризис. Смутные времена настали, а потому на каждого эксперта отдельная квартира не предусмотрена.

Я лишь пожал плечами. Нет, а что тут можно сказать? Прежде всего, место выбрано отлично. Домик расположился на возвышенности, на продолговатом холме образованном подземным коридором, ведущим от южного дота куда-то вглубь острова. Деревья здесь росли не очень высокие, возможно, причина тому тонкий слой грунта, скрывающего бетонные перекрытия. Но даже если и не так, неважно, главное – они не загораживали вид на море, позволяя вдоволь любоваться прекрасным пейзажем.

Да и в остальном грех жаловаться, как на это ни смотри. Очень даже приличный домик. Чутьочку похож он на тот, который я видел совсем недавно, в котором обитал Сашка, пилот. Только этот еще более легкий. Настоящая тропическая хижина. На вид чутьочку хлипкая, чутьочку шаткая, тем не менее, вполне надежная. Ножики из толстого бамбука. Из него же, только диаметром меньше прочие несущие конструкции. В качестве крыши – неимоверно живописное нагромождение свежих пальмовых листьев. Сама хижина приподнята над землей, наверняка для того, чтобы кто-то зубастый клыкастый и ядовитый не смог забраться ко мне в постель. Стен, как таковых, не было, да и зачем они! Вместо них невысокая перегородка из того же бамбука. Наверняка она нужна лишь

для того, чтобы обозначить границы дома и не позволить кому-нибудь из жильцов скатиться вниз.

В общем и целом хижина мне понравилась. Примерно такую я изображал на уроках рисования, давно когда-то, в школе. Помню, «тройку» получил. Учитель сказал, что у моей избушки крыша неправильная, слишком кривая! Вот привезти бы его сюда, да пусть мне оценку исправляет!

Интерьер отлично дополнял то, что виделось снаружи. Из мебели – лежаки. Три штуки. Можно сказать, кровати вот только низкие и без спинок. Какой-то местный умелец нарезал бамбуковых прутьев (вот же универсальный материал!) да собрал из них прямоугольный постамент, на котором отлично помещался спальный мешок. Не обошлось и без стола. Небольшая круглая столешница на ножках, правда, их высота сантиметров двадцать. Сразу ясно, что табуретки проектом не предусмотрены. Зато были циновки. Плетеные не знаю из чего коврики с незатейливым орнаментом, сплошь состоящим из квадратов и треугольников. Такая уютная картинка, что сразу представилось, как мы «чаек» попиваем, втроем...

– Слушай, Вить, а кто третий? Смотрю квартирка у нас трехместная.

– А, Димка. Ну, это если мы его увидим когда-нибудь...

– Как это?

– Да вот так. Это еще один эксперт. Историк он, большой специалист по второй мировой в части азиатского театра во-

енных действий, а еще он диггер, самый, что называется настоящий. Чуть больше двух недель тому назад прибыл, так за все это время лишь трижды из-под земли выбирался, да и то исключительно для того, чтоб запасы пополнить. Вот же энтузиаст! Начал с того, что доты исследовал, те, которые на берегу. Чуть не собственноручно разобрал многотонные завалы. Обнаружил двери, за ними ходы, проходы какие-то, комнаты. Все звал меня спуститься, поглядеть. Но, увольте, это точно не для меня. Ощущение нескольких метров земли над головой, это не мое. Его же хлебом не корми, дай в яму какую-нибудь залезть. Вот и сейчас там, карту подземного лабиринта составляет...

– Здорово, надо будет и себе посмотреть, что там, под островом творится!

– Как хочешь, но это без меня. Я такой товарищ, для которого хуже замкнутого пространства, да многометровой толщи грунта над головой мало что найдется... – он загадочно улыбнулся. – Ну, что ты думаешь касательно новоселья? Отметим? По чуть-чуть...

– Когда это я отказывался! Наливай, а заодно поведай мне, как это ты умудрился так удачно пристроиться?

Глава 6. Первые впечатления

Утро выдалось нелегким и дело не только в национальном празднике «новоселье» и ожидаемых его последствиях. Просто началось оно слишком громко. С шума началось, да такого, что способствует пробуждению, попутно задавливая настроение. Крик. Громкий крик, нарастающий, оглушающий, он действовал не хуже ненавистного будильника, бурным потоком вливаясь в мое все еще сонное сознание. С каждым мгновением громкость отвратительных звуков увеличивалась, казалось, еще немного и они заполнят не только мою несчастную голову и наше скромное жилище, но и распространятся по всему островку, а там поглотят и весь окружающий мир.

Допустить подобного безобразия я попросту не мог, но и противопоставить шуму было нечего. Не спасали от него ни мягкая ткань спального мешка натянутая на голову, ни пальцы, фаланги которых проникли глубоко в уши, чуть не касаясь барабанных перепонок. Следовало предпринять что-то решительное, серьезное, кардинальное. Надо было взять себя в руки, собрать волю в кулак, обнаружить источник шума, задавить его, заставить замолчать. Надо было, но для этого пришлось бы открыть глаза, а вот к такому подвигу я готов не был.

В одно мгновение шум затих. Резко, разом, будто кто вы-

ключил. Это подействовало, но не успокаивающе. Ощувив столь желанное, а оттого очень даже подозрительное изменение, я непроизвольно напрягся, приоткрыл один глаз. Мигнул им, раз, еще раз. Слегка повернул голову. Попытался понять, что именно вижу, напряг ленивое соображение, оно кое-как заработало. Скрипя и сопротивляясь, не желающий просыпаться разум принялся анализировать размытую картину. Пыхтел он, медленно соображая, казалось, еще совсем немного, всего одно усилие и я получу хоть какой-нибудь результат, но нет, мыслительный процесс зашел в тупик.

Коллапс мыслей тут-таки задавил остатки настроения, ему содействовали перемены.

Шум возвратился, только это был совершенно иной шум. Изменился он. Он уже не был сплошной лавиной неразборчивых звуков, витающих вокруг меня, он разбился на множество отдельных голосов. Разных голосов, с разными интонациями, разными эмоциям, одно их объединяло – как ни старайся, а не понять ни слова...

Перемена не порадовала, наоборот, пришло осознание очевидного факта – это закончится нескоро. Шум людских масс сам собой не проходит. Люди, это такие существа, что раз начали кричать то это надолго.

Тем не менее ситуация прояснялась. Я начинал кое-что понимать, пусть не смысл, так хоть общую картину. Стало понятно, что кричат люди, кричат на непонятном для меня языке, значит, это наши рабочие. Что кричат пока под вопро-

сом, зато кому адресованы крики ясно – нам. Мне и Витьке, а это значит, что надо подниматься, разбираться, словом, самое время начинать отрабатывать свои деньги. Правда, для начала не лишним было бы понять, чего им голосистым надо.

Изображая червя или сонного удава, я выбрался из-под спального мешка. Попытался вспомнить, почему залез под него, а не забрался внутрь, а еще, что именно заставило меня лечь на твердую ребристую подстилку, не позаботившись о том, чтобы хоть как-нибудь сделать ее мягче? Память не сочла нужным мне помочь, да это и неважно.

Выбрался, потянулся, каждым квадратным сантиметром кожи чувствуя последствия ночного «массажа». Казалось, меня били. Долго, методично, палками. Бамбуковыми. Вот поймать бы того мастера, что соорудил мой лежак, да посмотреть в его глаза, молча, с немым вопросом – за что? Но это после...

У входа в избушку, на полу, свесив ноги и смешно болтая ими, расположился Витька. Он часто кивал головой, удивительно ритмично, можно сказать, размеренно. Сразу и не поймешь, то ли соглашается он с кем-то, то ли разминает, наверняка затекшую, как у меня за ночь шею. Вот он перестал кивать, мотнул головой, заговорил. Спокойно, внятно, четко выговаривая каждую букву, но тем, кому адресовалась его речь, от этого легче не становилось:

– Вот что вы за люди-то такие! Где вас таких только нанимали? Я вам русским языком говорю, который вы попро-

сту не хотите понимать – задача ваша состоит в том, чтобы расчистить участок. Деревья надо вырубить, кустарник. Это ясно? Размер участка озвучен. Сто пятьдесят на двести метров. Двести по фронту, сто пятьдесят вглубь. Границы обозначены. Все настолько просто, что остается лишь удивляться, – он громко выдохнул. – Да это не работа, а одно сплошное удовольствие! Знай, бери себе топор или, что там под рукой, да руби налево и направо! Очистили площадку? Отлично! Переходите на просеку в направлении маяка. Ширина десять метров, ориентир – камни старой дороги. Ну, все же просто, все понятно, чего же вы от меня хотите? Почему стоите, из-за чего митингуете?

Похоже, я окончательно проснулся. Выпрямился, чувствуя, как оживают мышцы, доковылял до двери, сел рядом с Витькой. Как мог дружелюбно улыбнулся, кивнул двум десяткам рабочих, которые собрались у нашего крыльца. Они загомонили громче, то ли продолжая свой «митинг», то ли приветствуя меня.

Реакцию «просителей» на мое появление понять было трудно, но вот Витька искренне обрадовался. Он энергично пожал протянутую ладонь, кивнул и спросил:

– Слушай, Серега, ты языками владеешь?

– Русский – без словаря, английский – со словарем, украинский – на уровне интуиции, – скороговоркой выпалил я.

– Понятно, ты такой же полиглот, как и я, даже хуже, жаль! – энтузиазм друга моментально угас.

– А что собственно произошло? – я громко зевнул. – Пока я спал...

– Да кто их поймет, – Витька пожал плечами и махнул рукой. – Они вообще странный народ. Все у них не по-человечески. Казалось, вчера приезжал шеф, если кому есть что сказать – не молчите, скажите! Нет, все нормально, все всех устраивает. Только начальство за порог, пожалуйста, митинг просто у дверей спальни...

– И что в подобных случаях полагается делать?

– Как обычно, слушать надо, договариваться. Только просто слушать мало, надо еще понимать то, что слышишь! – тяжкий вздох стал иллюстрацией к Витькиным словам. Он раз вздохнул, второй, но вдруг заметно повеселел, соскочил на землю, ступил шаг, обернулся, призывно махнул мне рукой. – Спускайся, сейчас во всем разберемся. Вот человек, который нам поможет, Пак Искандар Буана! Единственный, кто говорит не только на родном наречии. Он английский знает, правда, не очень, но это на порядок лучше, чем... ничего...

Высокий худощавый мужчина в годах пробрался сквозь толпу. Уверен, именно этого человека я видел с верхушки маяка вчера. Завидев его, рабочие моментально умолкли, они расступились, низко кланяясь и застывая в полупоклоне. Я последовал примеру друга, спрыгнул вниз, стал рядом с ним. Витька слегка наклонил голову, я в точности скопировал его жест.

Мужчина поклонился Витьке, повернулся ко мне, ответил точно такой же полупоклон, обвел взором своих соплеменников, повернулся к нам, часто, сбивчиво заговорил. В его монологе действительно проскакивали английские слова, вот только мало их было...

– Я так понял, он что-то о могиле говорит, – растерянно пробормотал я, стараясь мысленно повторить то, что услышал. Не получалось, наверняка все из-за того, что в голове надрывно гудели отголоски вчерашнего вечера. – Или о захоронении, если это не одно и то же.

– Да, какая-то могила была, – согласился Витька, – более того, могила священная.

Осознавая тот очевидный факт, что мы его не очень понимаем, мужчина решил помочь себе жестами. Он заговорил снова, при этом энергично размахивал руками, изображая удивительные, просто-таки неповторимые фигуры. Пытаясь уследить за его руками, я терял нить разговора. Добавляли путаницы собравшиеся у нашего жилища рабочие. В такт словам и жестам они смешно кланялись, перешептывались, обменивались красноречивыми взглядами, отвлекали. Похоже, то, что нам говорили, им нравилось, скорее, веселило их...

– На острове, нет, в глубине острова? Недалеко отсюда, ага! – удивительно, как Витька поспевал за словами и жестами. – Понимаю, в джунглях. На огороженной территории. Они нашли могилу! Начальник? Главарь? Скорее всего,

вождь. Так, какой-то вождь похоронен на острове, его могила священна. Кто посягнет на святыню, ну это понятно, проклятия на всю голову и тому подобное. Вот чего только не выдумает человек, лишь бы не работать!

– А где она, могила эта? – удивляясь лингвистическим способностям друга, которые гармонично переплетались с сообразительностью, спросил я. Опомился и тут-таки выдал эту же фразу по-английски.

Мои слова возымели действие. Высокий и худой мужчина, чье имя я к тому времени еще не запомнил, внимательно посмотрел на меня, в его глазах читалось нечто, что было сродни уважению. Думаю, в его понимании каждый, кто хоть немного владеет английским – большой человек, может, своим величием равен тому вождю, чья могила так некстати вклинилась в наши планы. Он осмотрел меня, будто только теперь увидел, поклонился гораздо ниже, чем кланялся здороваясь. Громко и чуточку заикаясь, заговорил, указывая пальцем в сторону горы. Я опять-таки ничего не понял, повернулся к Витьке.

– Кое-что вырисовывается, она на самом краю участка, у холма. Святыня эта, – тот медленно пожал плечами.

– Так пусть там и остается. Ты им фронт работ сдвинь чуток, на пару метров от горы вот и все! – неожиданно легко созрело решение.

В глазах моего товарища отчетливо читалось сомнение. Скорее всего, он и сам об этом подумывал, просто не мог

решиться. Понять его нетрудно, кто хочет брать на себя ответственность...

– Оно, пожалуй, можно, – после продолжительного раздумья медленно выговорил он. – Вопрос только в том, как шеф ко всему этому отнесется. План утвержден, а он не любит самодеятельности.

– Да никак он не отнесется, вообще никак. Мы ему просто не расскажем, только и всего. А касаемо переноса площадки, я сверху смотрел, мы только выиграем. Там, южнее, валунов нет, местность ровненькая, работы меньше...

– Ладно, уговорили, – он махнул рукой, повернулся, изобразил короткую пантомиму, показал жестами, как он переносит участок южнее.

Просители тут-таки снова загалдели, только на этот раз одобрительно. Худощавый мужчина, владеющий английским, низко поклонился, отдельно мне, отдельно Витьке. Остальные поступили также. Дружно склонились, не переставая бормотать. Глядя на согнутые спины нескольких десятков рабочих, я вдруг почувствовал себя героем сериала, не самым приятным его персонажем – злым и коварным плантатором, эксплуатирующим бедных рабов на далекой фазенде в живописной Бразилии.

Позволив мне вдоволь поразмыслить обо всех плюсах и минусах рабовладельческого строя, наш собеседник выкрикнул несколько слов на местном диалекте, воздел руки к небу, его позу скопировали другие. Он еще что-то крикнул, про-

чие разом умолкли, еще раз поклонились, только уже ему, повернулись и дружно направились туда, где скоро должна была образоваться расчищенная площадка.

– Я искренне надеюсь на то, что в районе причала ничего священного не обнаружится, – недовольно пробормотал Витька. – Вот его-то перенести у нас точно не получится...

Подождав пока я умоюсь в большом деревянном корыте, в которое за ночь каким-то чудом набралась вода, Витька повел меня вниз, в долину, туда, где располагался лагерь рабочих, где находилось то, без чего немыслима любая стройка – столовая.

Не отрываясь от завтрака, более похожего на дегустацию блюд местной кухни, я расспрашивал Витьку об острове. Более всего меня интересовала живность. Все-таки я не слишком приспособлен для существования в джунглях, не довелось обзавестись подобным опытом. Да и просто единственным источником информации о жизни за пределами моей малой родины был экран телевизора, а уж там такого расскажут, такого страху нагонят!

Витька был не в духе. То ли из-за вчерашнего новоселья, то ли из-за вынуждено-раннего подъема.

– Да, я тебе не рассказывал, но прежде чем начать работу, еще до моего появления на острове, шеф отправил сюда целый исследовательский институт, толпу ботаников с зоологами, – Витька отрешенно посмотрел куда-то вдаль, в джунгли. – Облазили они весь островок, каждый ли-

стик осмотрели, в каждую норку заглянули. Вердикт выдали ободряющий – ничего опасного для жизни на островке не водится. На этот счет можешь не волноваться. Из не очень приятной живности можно выделить несколько видов змей, но от них больше страха, нежели вреда. Да, могут укусить, если хорошо попросишь. Будет больно, но это не смертельно. То же самое касаясь живности крупнее – ничего такого, что тебя убьет, на островке нет, но это не значит, что можно ходить, не глядя под ноги. Местные говорили, живет в этих краях один паучок, маленький такой, яркий весь, цветной, так вот если он примет тебя за добычу, три дня на стены карабкаться будешь. Примерно так...

– Понятно, – честно скажу, то, что я услышал, меня заметно порадовало. – Слушай Вить, а что если я пройду, прогуляюсь по острову? Пока не расчистят участок да не передадут планы со снимками, я никому не нужен. Разрешаешь?

– Серега, я тебе не начальник. Можешь смело идти туда, куда тебе вздумается. Только я бы на твоём месте кеды снял, да сапоги обул, такие, чтоб голенище повыше. А вообще, иди ты, Серега, иди...

Получив такое своеобразное напутствие, я отправился изучать местность. Начать решил с восхождения. Решил взобраться на высочайшую точку острова на острый пик, сереющий над сплошной зеленью, осмотреться.

Внемля совету друга и голосу разума, я не решился идти в привычных потертых кедах, отдал предпочтение сапо-

гам. С этим проблем не было, Витька, а может кто-то другой, предусмотрительно подготовил не меньше десятка пар. Долго выбирать не пришлось, первые, которые были по ноге и выглядели более или менее прилично были назначены «моими».

Поскольку я новичок на острове, а приставать с дополнительными расспросами не хотелось, тем более что у Витьки и без меня забот хватало, я решил пойти проторенным путем. Спустился с «обжитого» холма, выбрался на мощеную дорогу, направился в сторону маяка. Шел медленно, не переставая вертеть головой и удивляться.

Я не ошибся, Витька действительно был занят. Он стоял у строящегося причала в окружении толпы рабочих. Как выяснилось позже, подобные столпотворения были нормой, дня не проходило, чтобы не образовалось нечто подобное. Точно не скажу, но думаю, так рабочие отдыхали, своеобразный перерыв на вполне законных основаниях.

Оказавшись на склоне в пределах видимости друга, я помахал ему рукой, но он меня не заметил. Ясно же ему не до меня. Очень уж энергично он размахивает руками, тычет пальцами в какую-то бумагу, что-то объясняет единственному толковому туземцу. Тот кивает, сам что-то говорит, рабочие галдят, словом, нормальная рабочая обстановка.

Скоро стихийный митинг остался за стеной деревьев. Я прошел мимо нескольких парней, скорее всего, они не слышали о том, что творилось у причала, потому продолжали

работать, расчищали площадку для строительства дома. Дело шло. Отвратительно громко рычали бензопилы, размеренно стучали, опускаясь, топоры, пулями летали щепки. Одно за другим падали деревья. Выстрелами ломались сучья, громкие одобрительные возгласы сопровождали каждый поваленный ствол.

Заметив меня, рабочие остановились, застыли, будто скульптуры. Я испугался, подумал, вдруг они сейчас найдут какой-нибудь повод, обступят меня, как Витьку, там, у причала и начнется...

– Здравствуйте! – приветливо кивнул я, рассчитывая как можно быстрее сбежать.

Не думаю, чтобы они меня поняли, тем не менее, я услышал множество слов, что своим звучанием отдаленно напоминали приветствия. Множество голосов, непонятные мне слова, улыбки, поклоны. Никаких требований, никаких распросов. Вот что делает вежливость!

Мгновение, другое и лесорубы остались позади. Я углубился в лесную чащу, оглянулся, убедился в том, что никто меня не догоняет с целью устроить маленький локальный митинг, облегченно выдохнул.

Очень скоро обнаружилась дорога, ведущая мимо маяка вглубь острова. В просветах между верхушками деревьев показался сам маяк. На мгновение я застыл, любясь башней, которую мне доведется восстанавливать, отмахнулся от желания снова оказаться на ее верхушке. Бессмысленно это,

что толку взбираться вверх, спускаться вниз. Вряд ли за ночь там хоть что-нибудь изменилось, а для изучения острова с высоты птичьего полета пока предпочтительнее вершина скалы.

Скоро я миновал «перекресток», то место, где к изрядно заросшей деревьями и кустарником широкой дороге примыкало ответвление, тропа, ведущая к маяку. Весьма условный «перекресток», слишком уж мало камней, что обозначали дорогу, сохранились. Но это ничего. Вот вырубят ребята деревья, расчистят все, соберем камни, разбросанные по всему острову, да восстановим брусчатку. Наверняка здорово получится. Но это будет позже. Сейчас же я лишь проследил глазами за убегающей в лес тропой и пошел напрямик, свернул в заросли, ориентируясь на серо-стальной пик, возвышающийся над окрестными территориями.

Переплетенные ветви деревьев, которые десятилетиями привольно себя чувствовали до появления на острове человека, старались изо всех сил. Упирались они, хватали меня за ноги, больно стегали по лицу, забирались в рукава, лезли в карманы, путались в одежде. Я же и не думал сдаваться. Размахивал руками, отталкивал живые прутья, ломал сухие сучья. Правда, это мало помогало. Стоило чуточку расслабиться, потерять бдительность, как какая-нибудь шустрая веточка, да еще и вооруженная острыми шипами впивалась в кожу. Царапали колючки руки, оставляли отметины на щеках, хлестали меня и терялись где-то позади, только шелест оста-

вался, будто перешептывались растения со своими соросидичами, хвастались, упивались гордостью за то, как поприветствовали незваного гостя.

Неудивительно, что скоро я выдохся. Усталость сдавливала грудь, мешала дышать, отбивалась она на висках гулкими отголосками пульса. В ушах нарастал мерный гул, намекая на то, что еще немного и сил у меня совсем не останется, упаду, рухну на землю, и кто знает, удастся ли после подняться. Хотя это не самое страшное, я ведь могу и застрять. Свяжут меня ветви, обездвижат и все. Мрачная перспектива, буду стоять до тех пор, пока кто-то, скорее всего, Витька обо мне ни вспомнит. Только и это еще не все, придется постоять до тех пор, пока за мной придут. Кто знает сколько!

Еще совсем немного и я бы действительно сдался. Буквально несколько мгновений и я бы поборол разумную мысль о том, что возвращаться ничуть не легче, повернул бы, пошел обратно, но...

Стоило только замедлить скорость, как я услышал шум. Тихий он, приглушенный густой растительностью. Топот? Возможно. Будто приближается кто. Близко он, тот невидимый, рядом он. Сразу же забылись слова друга об отсутствии на острове хищников. Какие тут слова, чего стоят рассказы, ведь совсем рядом шуршит кто-то сухими листьями, трещит ломающимися веточками, крадется, да догоняет он меня, не иначе!

Решительный рывок. Ветки, не ожидавшие такой прыти,

выпустили меня, свою добычу. Я рванулся раз, другой и буквально вылетел на каменный склон, совершенно лишенный растительности. В подлеске, точно там, где недавно стоял я, мелькнуло что-то белое. Рука сама собой нащупала камень, я приготовился дать отпор преследователю.

Некоторое время ничего не происходило, лишь в просвете между листьями виднелось белое пятнышко. Но вот оно качнулось, с ним качнулись листья. Я приготовился, замахнулся. Куст задрожал, ветви раздвинулись. Из зарослей выглянула симпатичная мордочка, украшенная короткими рожками. Большие глаза внимательно без страха осмотрели меня, медленно мигнули.

Козленок. Маленький козленок, симпатичный, будто сошедший со страниц детской книжки! Он вдоволь насмотрелся на меня, издал блеющий звук, в котором отчетливо слышались нотки насмешливого презрения, вырвался из зарослей и побежал по склону, громко цокая копытами.

– Бывает же такое! – улыбнулся я, взвесил камень в руках, забросил его в кусты.

Несмотря на довольно крутой склон карабкаться наверх было легко, множество массивных валунов в беспорядке разбросанных по слону создавали естественную лестницу, помогая подниматься и указывая дорогу. Не более получаса прошло, как я оказался на самой вершине горы. С любопытством настоящего туриста осмотрел каменную площадку, пятачок, овальный, как и сам остров, размерами метров

восемь на десять. Честно говоря, я несколько расстроился, не обнаружив жерла вулкана, пусть маленького, пусть давно потухшего. Наверняка это было бы здорово, с одной стороны, но нет, так нет. Зато было дерево. Удивительное дерево. Не знаток я живой природы, потому не смог определить его вид, так, исключительно из любви к родине нарек его сосной. Похоже, иголки есть, что еще надо!

Большое, просто огромное, оно каким-то чудом забралось на вершину скалы, обосновалось в небольшой трещине, намертво ухватилось корнями за камень, закрепилось в его трещинах. Поразительное создание, фантастическое. Особенно удивителен его профиль. Слишком уж искорежен ствол, слишком уж перепутаны ветви. Так и веяло от него чем-то, что сродни суеверному трепету. Смотришь на него и понимаешь – непростое оно, это дерево из тех, которым поклоняются...

Я уселся на ровную отполированную дождями и ветрами площадку, расположился в тени удивительного растения, глубоко вдохнул чудесный воздух, пахнувший хвоей, сдобренный морской пылью, залюбовался островом и бескрайним морем вокруг него. Медленно повернул голову в одну сторону, в другую, стараясь все увидеть, все рассмотреть. Этого показалось мало, тогда я достал блокнот, ручку и почувствовал себя настоящим первооткрывателем. Не просто первооткрывателем, а ученым, географом эры великих открытий. Тем, который взобрался на вершину недавно откры-

того им клочка суши и создает первую карту новой земли. Глупость, конечно, я ведь далеко не первый, были здесь люди, есть карты, детальные карты, но я создам и свою, эта будет особенная, моя, не похожая ни на какую другую...

Ничего не скажу о точности, но в оригинальности моего творения сомневаться не приходилось, все-таки картограф я еще тот! Но я старался. Старался как можно точнее изобразить на листе бумаги то, что видели глаза. Работал медленно и скрупулезно. Со всей возможной ответственностью относился к каждому штриху, к каждому изгибу береговой линии. Водил ручкой по бумаге, старался и с каждой секундой понимал – в моем лице картография ничего не потеряла. Да и не только она, сколько себя помню, ни рисовать, ни чертить у меня не получалось.

Как бы и все. Не прошло и нескольких минут, как я решил, что справился. На странице блокнота красовалась картинка, отдаленно напоминающая карту. Действительно отдаленно. То, что у меня получилось, более всего напоминало фрукт, который вчера красовался на нашем столике в качестве дополнения к коньяку – манго. Нет, правда, с какой стороны ни глянь, а смотрит на меня манго. Аппетитный плод, слегка коряво-овальной формы, надкусанный там, где была бухта, да еще и с хвостиком, образованным изгибающейся у северной части острова песчаной косой...

Отогнав прочь неуместную самокритику, я тут-таки решил – нормальная карта, во всяком случае, как для начина-

ющего. Нет, правда, зачем придираться к самому себе? Вот я и не стал. Убедил себя в том, что рисунок отличный, что карта готова, правда, надо было еще дать названия географическим объектам, пожалуй, это даже важнее точности.

Фантазия, не мешкая, взялась за дело. Рисунок был озаглавлен. «Остров Манго» красовалось в верхней части листа. Ниже и чуть правее, там, где извивалась песчаная отмель, я написал «Коса Хвостик». Ту небольшую вмятину, что в восточном боку воображаемого фрукта, гавань ограниченную дотами, подписал «Бухта Омега».

– Кажется, такая мелочь, несколько слов добавил, а все кардинально изменилось! – восторженно пробормотал я, глядя на то, как непонятный рисунок просто на глазах превратился в карту. – Надо будет придумать названия еще кое-чему, для начала...

Ручка уверенно коснулась центра рисунка. Образовалась жирная точка, у которой я, чуть поразмыслив, написал «Гора Червоточина».

– Если остров у меня фрукт, то точка в его центре – дыра, в которой живет червь. Почему выпуклая? Хороший вопрос. Может это как нора у крота. С одной стороны посмотреть – нора, с другой – холм, – довольный собой я закрыл блокнот. – Действительно начинаешь чувствовать себя географом, правда, стоит отдавать себе отчет в том, что все твои открытия никому не нужны, даже самому себе. Ну и ладно, надо спускаться.

Наверняка эта возвышенность не заинтересует ни одного более или менее профессионального альпиниста. Слишком уж низкая она, склоны слишком уж пологие. Но для меня, человека, не имеющего опыта лазанья по скалам, это был настоящий экстрим. Помню, кто-то мне рассказывал, что подъем всегда проще спуска, так он был прав.

Осторожно, хватаясь руками за редкие выступы, впиваясь пальцами в трещины, я сползал вниз. Полз, с трудом заставляя пальцы выпускать опору, удивлялся, до чего же легко было взбираться наверх, и до чего трудно спускаться вниз!

Вот и «ступени». Пояс валунов, спиральными рядами подчеркивающих конусность вершины. Ноги уперлись в твердый бок одного из них, я облегченно выдохнул, теперь не нужно ползти, можно стать на ноги и спокойно шагать по склону.

Еще несколько минут и передо мною возникла стена густого подлеска. Я вернулся туда, откуда начал подъем. Желания разбежаться и броситься в заросли не возникло, кровь на ссадинах еще не свернулась, потому я медленно побрел вдоль кромки леса, выискивая место, где кусты росли не так густо.

Очень скоро такое место нашлось. Его обозначало сухое дерево на границе живого леса и зоны мертвых камней. настолько удобное место, что я не удержался, достал блокнот и сделал пометку. Оно действительно того стоило. С одной стороны, под сухими ветвями не росли кусты, что позволяло

легко забраться в чащу, с другой – над ним был очень пологий склон, что позволяло легко взобраться на вершину скалы.

– Запомню это место на будущее...

Я энергично захлопнул блокнот и быстро углубился в лес. Прошел несколько десятков метров, вышел на продолговатую поляну. Вытянутая вдоль, с ровными, отчетливо обозначенными границами, она меня сразу же заинтересовала, а особенно после того, как я догадался посмотреть себе под ноги.

Камень. Только уже не тот монолит, из которого сложена гора, это другой камень, обработан он человеческими руками, уложен, вдавлен в землю. Знакомая дорога, знакомая брусчатка!

Средь слегка покачивающихся верхушек деревьев довольно отчетливо виднелась башня маяка. Совсем рядом она, будь у меня крылья, одного взмаха хватило бы, чтоб с лесистого склона перелететь на его верхнюю площадку. Но летать я не умел, да и учиться желания не возникало. Земной я, мне интересней дорога. Ясно же, она здесь неспроста, ведет она куда-то.

– Если решил быть географом, надо быть им до конца, – продекламировал я. – Надо изучить и дорогу. То место, где она начинается, я уже видел, это берег моря, в той его части, где сохранились ряды деревянных свай, осталось выяснить, где она заканчивается!

Я мысленно помахал рукой маяку, повернулся к нему спиной и побрел по дороге, ведущей вдоль склона горы. Побрел вперед, в неизвестность.

Здорово потрудились дорожники прошлого, немало сил у них ушло, немало времени. Подумать только, вырубili деревья, стесали часть склона, создавая на нем обрывок серпантина, укрепили его. Работы было проведено, трудно себе представить сколько. И вот что непонятно, для чего все это? Вопрос...

– Нет, правда, мне жутко интересно, куда ведет эта дорога? Кто ее построил, зачем... – обращаясь то ли к себе, то ли к деревьям, пробормотал я. Ответа не было, да и кто мне ответит...

Пусть как бы качественно ни были уложены камни, времени с момента создания дороги прошло много. Лес понемногу возвращал себе территорию, которую позаимствовал у него человек. Наступал он с обочин, выворачивал булыжник, создавал препятствия мне, случайному путнику.

Один из камней, опрокинутый корнем мощного дерева с яркими оранжевыми плодами некстати оказался у меня на пути. Пока я с любопытством разглядывал плод, потенциальную вкуснятину, висящую на ветвях, пальцы ног встретились с неожиданным препятствием. Я тут-таки взвыл, да так громко, что и сам испугался.

Попрыгав на одной ноге и высказав вслух все, что думаю, о камне, о том человеке, который его так неудачно положил,

а еще о корнях и плодах неизвестного мне дерева, я поковылял в сторону. Подошел к невысокому прямоугольному возвышению серого цвета, более всего похожему на бетонный блок, намереваясь присесть, снять обувь и полюбоваться результатами собственной беспечности и невнимательности.

Чем был камень, заинтересовавший меня своей правильной формой, я так и не узнал, как и не увидел, что случилось с пострадавшей ступней. Как-то сразу стало не до того. Я ступил несколько шагов в выбранном направлении и замер. В один миг я отчетливо почувствовал пустоту. Пропать, что находилась просто у меня под ногами. Я ощущал, как земля вибрирует, подпрыгивает, будто батут, да еще и поскрипывает, противно так, будто ветер качает сухое дерево, пытаюсь сломать. Нелепое сравнение...

Не успел я оценить всю глупость и бессмысленность мыслей, не успел подыскать объяснение тому, что чувствовал, понять, что это: деятельность нафантазированного мною вулкана, землетрясение, или всего лишь отзвуки моих шагов, как земля резко прогнулась и с треском лопнула. Я провалился, ударился ногами обо что-то твердое и, набирая скорость, кубарем покатился вниз по гладкому наклонному полу.

На третьем или четвертом кувырке ржавая труба больно ударила меня в грудь. Я остановился и повис на ней будто на турнике. Намертво вцепился в спасительное железо, попытался подтянуться, но не сумел, изрядно тронутый ржав-

чиной металл буквально рассыпался в моих руках. Я упал, можно сказать, сел на покатую поверхность, покрытую толстым слоем влажной земли и глины. Замер, боясь пошевелиться. Мгновение спокойствия и я, а со мною слой отвратительно-скользкой грязи поехал вниз. Сначала медленно, но с каждой секундой все быстрее и быстрее...

Глава 7. Остров изнутри

Смесь насыщенной влагой почвы со скользкой глиной, в которой вкраплениями застыли мелкие камешки, будто эскалатор доставила меня в «подземелье» острова. Процесс погружения в недра земли начался так неожиданно, так внезапно и так скоро закончился, что я даже не успел испугаться. Это мерзкое чувство настигло меня позже, внизу, на ровной площадке, когда бояться, по большому счету, было уже поздно.

Все остановилось, все замерло. Затихли звуки, добавляя остроты ощущениям, померкло свечение, пробивающееся из дыры в потолке, той, которая образовалась в месте моего падения.

Я закрыл глаза, стараясь не думать о том, что лежу на влажном холодном грунте (в грязи, что ближе к истине). Попытался расслабиться и убедить себя в том, что все хорошо, что боль в груди не результат столкновения с железкой, а всего лишь плод воображения. Минута прошла, за ней другая. Боль исчезать не собиралась. Напротив, она усиливалась, она разрасталась. Болело не только в груди, заявили о себе локти, которыми я тормозил, да и спина заныла, напоминая о том, что именно на ней я и съезжал. Веселого мало...

– Лежать это хорошо, но только если не долго, – пробормотал я. Открыл глаза. Выпрямился. – Надо что-то менять,

как минимум, пытаться.

Не очень хотелось моему несчастному организму шевелиться, пришлось его заставить. Понемногу я начал подниматься. Можно сказать удалось. Для начала сел, несколько раз мигнул глазами, уговаривая их смириться с почти абсолютной тьмой. Убедил себя в том, что это сработало. Посмотрел вниз, не увидел ничего, взглянул на наклонную плоскость, по которой свалился. Также мало интересного, одно лишь блеклое пятно относительного света.

Закрыв глаза, собрался. Открыл. Пригляделся внимательно – разглядел ржавую полосу на фоне такой же ржавой глины. Потрогал рукой, помогая собственному зрению. Так и есть, не показалось. Рельс. Старый, ржавый. Появилось кое-какое понимание. Под слоем нанесенной сверху почвы скрылся наклонный бетонный пол, в который вмурован рельс, в полуметре от него еще один. Железная дорога, к тому же уходящая в небо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.